

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Мышьак
за ваше здоровье

Елена Арсеньева

Мышьяк за ваше здоровье

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Мышьяк за ваше здоровье / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

ISBN 5-04-010372-7

Все есть у Петра Манихина – деньги, красавица-жена, огромный дом, где находится место и верному телохранителю, и девушке, ставшей Петру почти дочерью. Но страшная болезнь заклемила его, превратив лицо в жуткую бронзовую маску. Врачи признали, что дело в медленном, но непрерывном отравлении организма Манихина мышьяком. Что это – кара за давний грех? Но получается, что тогда к этому причастен кто-то из домашних? Петр запутался. Он не может подозревать своих. И, казалось, когда выхода уже не было никакого, на помощь приходит врач «Скорой помощи» Александр Меншиков. Но до самой развязки этой истории молодой доктор так и не знает, кому помогает – жертве преступника или же давно, но страшно нагрешившему человеку?..

ISBN 5-04-010372-7

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	5
АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	8
АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	11
ИЮНЬ 1980 ГОДА, ЗАМАНИХА	16
АВГУСТ 2001 ГОДА, НИЖНИЙ НОВГОРОД	18
МАЙ 2000 ГОДА, НИЖНИЙ НОВГОРОД	23
АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	28
ИЮНЬ 1980 ГОДА, ЗАМАНИХА	33
АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	36
МАЙ 2000 ГОДА, НИЖНИЙ НОВГОРОД	39
АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	43
АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Арсеньева

Мышьяк за ваше здоровье

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу.*

Данте

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

Они сели в машину. Александр хлопнул дверцей, потом еще раз – замок был слабый. Затем понял, что прищемил халат, открыл дверь и принялся хлопать ею снова. Руки были слабые, как этот замок... Наконец дверца закрылась. Александр устало облокотился на колени. Рядом поник Витек – вся разница была в том, что он облакачивался на руль. Александр покоился на водителе, поймал его взгляд, покачал головой, хмыкнул. Витек хихикнул в ответ – и они вдруг начали хохотать как сумасшедшие, задыхаясь, до слез, до нервических подвываний и судорог.

– Спасайте меня первого... – стонал Витек. – Меня первого спасайте, потому что я... не могу!.. потому что я упал вторым!

– Железная логика! – выкрикивал Александр. – Логика... логика...

И они снова хохотали.

Рядом с их «Фольксвагеном» стояла милицейская «Волга», тут же замерла пожарная машина. И Александру казалось, что ни одна из них не трогается с места именно потому, что экипажи этих машин сейчас точно так же, как врач и водитель «Скорой», безудержно хохочут, говоря по-русски, ржут, вспоминая операцию по спасению двух пьяненьких дачников, провалившихся в канализационный коллектор.

...Ох, какое лицо сделалось у этого сержанта, когда Александр, заглянув в коллектор, сказал:

– Так их там двое, что ли?

Сержант вытаращился на него совершенно дикими глазами, а потом стал подозрительно припихиваться. В какое-то мгновение Александру показалось, что сержант сейчас предложит ему «дыхнуть» в волшебную гаишную трубочку, однако Александр все-таки был не проштрафившийся водитель, а сержант – не гаишник, тем паче что ГАИ давно канула в Лету, и кончилось все тем, что сержант просто-напросто сам заглянул в коллектор и увидел там, внизу, четыре жалобно блесевших глаза.

Глаз четыре, значит, людей – двое.

– Но ведь только что был один! – недоверчиво сказал сержант. – Откуда же взялось двое?

– Может, он там, внизу, размножается в благоприятных условиях? – предположил Александр. – Методом деления или, к примеру, почкования?

– Когда ж он успел? – совершенно серьезно спросил сержант. – Мы ж буквально пять минут назад отъехали вас встречать...

И тут Александр первый раз почувствовал неодолимую потребность захохотать.

А началось все просто и обыденно. Два дружка принимали на грудь, но недобрали. Один вспомнил, что недавно в Зеленом Городе открыли ночной магазин, и отправился пополнить боезапас. Решив сократить путь, он пошел по пересеченной местности какой-то очередной стройки и ухнул в недавно отрытый и забранный в бетонную трубу коллектор. Общеизвестно, что рассеянность российских ремонтников имеет некоторые типические черты. Во всех городах и весях необъятной родины вы можете провалиться в канализационный люк в любое время

года, дня и ночи – и даже знать не будете, кого благодарить за доставленное удовольствие утонуть в сточных водах или качественно поломаться.

Нашему дачнику, впрочем, повезло. Он не утонул, не поломался – он провалился в злобную жижу только по колени и, освоившись с положением, стал звать на помощь. Ему опять повезло – какие-то веселые люди, также решившие посетить ночной магазин, его услышали и приблизились посмотреть, почему вдруг новый канализационный коллектор начал кричать человеческим голосом. Выяснив это, они позвонили (тут дачнику в третий раз повезло: у них оказался сотовый телефон!) в милицию, но затем запас человеколюбия у них иссяк (спасибо, впрочем, и на этом!), и они уехали бороться с пьянством методом уничтожения запасов алкоголя. Милиция приехала, человека в коллекторе обнаружила – стонущего и охающего. Решив, что он ранен, вызвали «Скорую» и отправились на развилку дорог – встречать машину, чтобы врачи не заблудились. В это самое время приятель нашего дачника, не дождавшись гонца, отправился его искать, услышал стоны и охи, заглянул в коллектор, пожалел друга и попытался его спасти. Неведомо, как он это делал, но кончилось все тем, что спаситель сам очутился в том же коллекторе, причем, будучи человеком грузным, он так весомо, грубо, зримо свалился на друга, что вывихнул ему руку. А сам зашиб голову.

Александру не составило бы труда спрыгнуть вниз, в коллектор, чтобы оказать пострадавшим первую помощь. Но вылезти потом по отвесным бетонным стенкам он вряд ли смог бы. Превратиться из спасителя в спасаемого не хотелось, поэтому он сказал сержанту:

– Ну что, служба 03 в наличии, служба 02 – тоже, осталось вызвать службу 01.

– Вы думаете, возможно возгорание? – спросил сержант, и Александр снова едва сдержал смех, пояснив, что от службы 01 ему нужны не огнетушители, а длинная пожарная лестница, без которой извлечь бедолаг из коллектора вряд ли удастся.

Приехали – на диво быстро – пожарные из близлежащей части. Ужасно матерясь и грохоча своей сверкающей формой, они опустили в коллектор телескопическую лестницу. Александр слез по ней, вправил ключицу одному из страдальцев и зафиксировал ее, потом в первом приближении выяснил, что сотрясения мозга ни у кого нет, и предложил ушибленным выбирать. На помощь ему спустились два дюжих огнеборца, и тут-то между бывшими собутыльниками начались громогласные прения: кому выбраться из осточертевшего коллектора первым... Причем там, внизу, в духотище и зловонии, это вовсе не казалось смешным, и потом не казалось, когда спасенные наотрез отказались ехать в травмопункт, дали в сем подписку, решив отложить дальнейшее лечение до утра, и напрямик поспешили... все в тот же ночной магазин, куда добирались столь долго и многотрудно. А вот стоило им сесть в «Фольксваген» и захлопнуть дверцу, как смех ударил, словно рауш-наркоз. Неожиданно Александр вспомнил, отчего этот самый наркоз так называется. Может, байка, может, правда, но якобы первые врачистоматологи, прежде чем вырвать зуб, надевали на голову пациента ведро и били по нему чем-нибудь тяжелым. Оглушенный пациент выпадал в осадок, и у него быстренько выдирали зуб. Это и есть рауш-наркоз – оглушительный, внезапный...

Наконец спасатели отсмеялись и вспомнили про текущие дела. Первыми пришли в себя пожарные, потом милиция – начали разворачиваться и отъезжать по направлению города. Замыкала кортеж «Скорая».

– Что, теперь за Асей Ивановой едем? – спросил Витек.

– Ну да, что ж ей – ночевать там, бедолаге?

Фельдшерицу Асю Ивановну они оставили в Верхних Печерах – туда был предыдущий вызов. Девчонка пятнадцати лет решила покончить с собой из-за несчастной любви. Написала гору прощальных писем – любимому мальчику, всем подружкам, родителям – и выпила... четыре таблетки пипальфена. Конечно, от такой дозы умереть очень трудно, даже если сильно хочется, но делириум, а попросту – психоз, развился немаленький. Она постоянно обирала с себя каких-то насекомых, давила их на полу, дралась с отцом, который пытался ее утихоми-

рять... На бедных родителей это произвело грандиозное впечатление, чуть ли не большее, чем гипотетическая кончина единственного дитяти! Но сломило их, особенно маму, хладнокровное заключение Александра, что дитя вовсе и не собиралось умирать, а просто хотело привлечь внимание к своей персоне: отсюда и выбор лекарства, вернее, ничтожное количество выпитых таблеток, отсюда несчетные эпистолы, щедро закапанные слезами, да и изрядная театральщина всего этого события – не то трагедия, не то комедия, а вернее, все вместе... Девочке промыли желудок и кое-как ее утихомирили. Но тут маме стало по-настоящему плохо, поэтому Ася Ивановна осталась с ней, когда линейную бригаду вызвали в Зеленый Город.

– Слушай, – сказал Александр, – давай сначала какую-нибудь колонку поищем, что ли? Или ручей. Мне бы умыться как следует, а то такое впечатление, что я в этом коллекторе насквозь пропитался сам знаешь чем. Небось амбре такое, что...

– Да я не чую, – успокоил его Витек, однако то, что у водителя хронический насморк, было известно всем, так что это заявление Александра отнюдь не успокоило. Скорее наоборот.

– Ты не чуешь, а кто другой почует, так что ищи воду.

– Что я тебе, лозоходец, что ли? – буркнул Витек. – Раньше не мог сказать? Около магазина была классная колонка, артезианская, там вода – обопьешься.

– Да мне ж не пить!

– А, слушай, вот здесь, на выезде, буквально три минуты в сторону, есть прудок, там даже купаются некоторые психи.

– Ладно, без комментариев. Поехали быстро туда.

Это оказалось в самом деле близко. Когда Александр открыл дверцу, он сразу ощутил запах ночи: сладкий – каких-то цветов и влажный, самую чуточку болотистый – большой воды. Витек включил фары, и он увидел блеск пруда. В две минуты разделся, пошвырял как попало джинсы, халат, майку – и голый бросился в воду. Она оказалась совсем даже недурной, пруд был глубоким, дно – относительно чистым. Сначала бултыхался, как морж, потом плавал лениво, блаженствуя. Подумал, что надо бы и одежду постирать, небось она-то и пропиталась коллекторными ароматами, но тогда придется заезжать за Асей Ивановной в натуральном виде, а она женщина почтенная, богобоязненная, еще не так поймет.

Впрочем, все было не так страшно – запахи из одежды как-то очень быстро выветрились. Александр стоял у дверцы, пятерней причесывая мокрые волосы, а Витек нетерпеливо брюзжал:

– Ну уже поехали, Алехан, не то Ася Ивановна нас живьем съест! – И вдруг оба враз замерли, переглянулись и начали медленно поворачиваться, как тот лозоходец за своей рогулькой. Послышалось или в самом деле...

Нет, тихо.

– Вроде стонал кто-то? – нерешительно спросил Витек, и тотчас Александр, не слушая его, кинулся к кустам, откуда вновь донесся слабый, исполненный боли стон.

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

Ветерком принесло легкое облачко запаха, столь сладкого, что человек, быстро идущий по темной аллее, остановился. Огляделся, вслушиваясь в тишину и невольно поводя ноздрями, словно чуткое ночное животное. Где-то на обочине сознания прошла мысль, что не нужно бы ему тут стоять, опасно это. Вечно настороженная душа тревожно шептала, что не к добру эта заминка, что надо бы поспешить пройти аллею, откуда доносятся возбужденные крики прогулявшей компании, однако ночной прохожий не прислушался к вешему шепотку, а все стоял и стоял, глубоко вздыхая и жмурясь от тихого, затаенного наслаждения. Это пахли табачки и ночная красавица – он узнал аромат и мгновенно вспомнил названия цветов, хотя миновало уже много-много лет с тех пор, как слышал их. Даже удивился, что вообще знает их. Они выплыли откуда-то из той, прошлой жизни, их навяло ветерком внезапно пробудившейся памяти совершенно так же, как ночным западным ветерком навяло этот сладкий, может быть, чуточку приторный, но такой обворожительный запах.

И прохожий немедленно вспомнил, где цвели табачки и ночная красавица – в палисаднике под окошками Анны, Анюты. Сбоку, нависая над крыльцом, росла огромная раскидистая сирень, в мае – июне удушавшая своим почти смертельным ароматом, от которого сердце горело и хотелось... чего-то неведомого хотелось, то ли заплакать, то ли убить кого-нибудь, то ли весь мир перевернуть, переделать, а начать с себя, со своей судьбы... удивительно ли, что он сделал то, что сделал, именно в начале июня, в пору безумного цветения сирени? А когда сирень отцветала и воздух становился горяч, его пропитывали ароматы этих цветов. Человек вспомнил даже, что ночью цветы табака казались похожими на маленькие лица, настороженно выглядывавшие из травы, и они были странного, мутного, какого-то слепого белого цвета. И он вдруг ощутил неодолимое желание снова взглянуть в эти лица, бывшие некогда свидетелями их встреч с Анной...

Какое странное слово пришло вдруг на ум! Бывшие свидетелями... свидетелями по делу... свидетелями преступления...

Он передернул плечами. А какое еще слово тут можно применить?

Применить... и применить к нему меру наказания в виде лишения свободы сроком...

Ладно! Хватит! Ни к чему заглядывать в былое, и жена его мудра – он всегда знал, что Анна разумница, каких поискать, но только сейчас вполне оценил ее мудрость, когда сообразил, что она никогда, ни разу, где бы они ни жили, не посадила возле дома ни сирени, ни сладкого табачка и ночных красавиц. Опасалась даже самого легкого намека на прошлое. Не стоит будить воспоминания, память – это такая предательская штука, будто тонкий ледок, который в любой миг может хрустнуть – и ты ухнешь в ледяную воду непоправимого...

– Эй, закурить есть?

Голос, развязный, грубый голос прозвучал так внезапно, так близко, что ночной прохожий резко дернулся в сторону, завертел головой, пытаясь обнаружить спросившего. Кусты смыкались с обеих сторон аллеи, ночное звездное небо казалось почти светлым по сравнению с этой сплошной темнотой, в которой ничего не различить.

– Чего вертишься? Закурить есть, спрашиваю?

Показалось, сейчас голос раздался уже с другой стороны. Человек настороженно поворачивал голову, замирая всем своим существом от необъяснимого страха. Нет, в самом деле – что такого случилось? Кто-то просит закурить. Темно, здесь слишком темно, он не видит лица спросившего, но это значит, что никто не увидит и *его собственного* лица.

– Я не курю, – выдавил он наконец, почувствовав, что молчание затянулось и он выглядит нелепо.

– Не куришь? А чо ты не куришь, а? И на кой хрен ты тут бродишь, если не куришь?

Это был уже другой голос, такой же грубый и отрывистый, с этим назойливым протяжным чоканьем, с каким говорили почти все местные, особенно из простых, произнося даже не «чо», а как бы «чо-ой». Вдобавок незнакомец явно был пьян, даже по голосу чувствовалось, что он едва справляется со слюнявыми губами. Ночной прохожий мельком подумал, что раньше он не был так чувствителен к голосам, это началось с тех пор, как он стал затворником, – теперь мир для него прежде всего звучит и пахнет, а уж потом видится. Додумать не успел – чья-то рука вцепилась в плечо, рванула, поворачивая, – перед глазами замаячило слабо различимое пятно чужого лица.

– Я же сказал, не курю, – выдавил он, пытаясь сохранить спокойствие, пытаясь удержать руки, чтобы не прижать их к лицу, заслоняя его. Бояться нечего. Темно, темно, если он никого и ничего толком не видит, то и они не видят ничего!

– Он не ку-урит! А мы ку-урум, правда, керя?

С души повело от перегара, от расползающихся слов, от нелепости, обыденности и даже пошлости ситуации, в которую он попал. Анна предупреждала, что эти ночные шатания не доведут до добра, но не мог же он сиднем сидеть, невозможно провести остаток жизни в четырех стенах, ему был нужен воздух, пусть и темный!

Ну, кажется, сейчас он надышится всласть. Мужикам было все равно, курит он или нет, – хмель бродил в их головах, им хотелось выпустить на волю этого пьяного беса, они, наверное, даже не соображали, что делают. Его ударили в живот – он не успел прикрыться, согнулся, болезненно ловя ртом воздух, хрипя что-то нечленораздельное, а сам подумал с обидой: «Почему не в лицо?! Вдруг сорвали бы...»

Его ударили по шее, он рухнул лицом в траву – без памяти.

Двое какое-то время сладострастно пинали неподвижное тело, но очень скоро их пыл начал остывать. Они хотели криков, хрипов, стонов, мольбы о пощаде, а еще пуще – сопротивления, они хотели дать выход забродившей в душах ненависти – к чему, к кому? Да так, к *жистянке*, к *житухе*, вообще, словом, ненависти, – а этот свалился мешок мешком... скучно, скучно...

– Загнулся, что ли? – без особого любопытства спросил один, утирая со лба боевую, удалую испарину.

– А хрен ли тебе с того? – пробормотал другой, вглядываясь в безвольно откинутую руку избитого. – Эй, глянь, какие тикалки.

– На кой они ему теперь? – вынес приговор первый, и руку от часов освободили.

– Да и мошна ему теперь ни к чему, – сообщил его приятель, проворно снуя по карманам легкой куртки и брюк, в которые был одет лежащий на траве человек. Он только начал открывать бумажник, как за кустами пронеслось фиолетовое сияние, сопровождаемое курлыканием сирены.

Двое, не сговариваясь, прыгнули в кусты, понесли, низко пригибаясь под нависшими ветвями, куда-то прочь, в тишину и совсем уж полную тьму. Через какое-то время приостановились, тяжело дыша, озираясь.

– А чего это мы рванули? – спросил один, пытаясь понять, куда это их занесло.

– Так менты же!

– Какие тебе менты, «Скорая» это была! У ментов сирена воет, а у этих курлычет.

– Воет это у пожарки.

– Да хрен с ними со всеми. Чего взяли-то?

Больше на ощупь, чем что-то различая глазом, проверили бумажник, пошелестели купюрами. Вроде ничего, нормальная добыча. Часы хорошие, тяжелые, явно дорогие. Но в этой темнотище не разглядишь.

– Давай ко мне, – предложил один. – Поглядим, чего там путного.

– Давай.

Они уверенно прошли темным перелеском до насыпи, перебежали через железнодорожные пути и канули среди улиц дачного поселка.

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

Человек лежал ничком, зарывшись лицом в траву, и глухо, сдавленно стонал.

– Бомжара? Синий? – попытался определить его социальный статус подоспевший Витек.

– Поверни машину, включи фары, – скомандовал Александр, сноровисто ощупывая голову и спину лежащего.

Даже не видя, он понял, что это не бомж, не пьяный, не нарк, обкурившийся или обколовшийся. Легкий запах хорошего парфюма, ничего другого он не учуял. Волосы на ощупь чистые, одежда хорошего качества. Сердце прихватило у ночного прохожего? Скорее всего. Или инсульт? Хотя нет, пульс слабый, нитевидный. Кожа сухая, теплая, слегка отечная. Перевернул его, пытаясь разглядеть черты лица. Нет, слишком темно. Приподнял веко – смутно белели закаченные глаза. А не напали ли на ночного прохожего страшные лесные разбойники? Похоже... Из рта сочится струйка крови, разбита губа. Надо с ним поосторожнее – вдруг сотрясение мозга? Да где там Витек со своими фарами?

Ударило по глазам так внезапно, что Александр зажмурился и даже рукой заслонился. Ну не придурак ли – сразу врубить полный свет?!

Пришлось посидеть немного, проморгаться. Прикрываясь ладонью, как щитком, Александр вгляделся в лицо бесчувственного – негр, что ли? И тут же блеснули щеки тусклой бронзой... Александр не поверил глазам – полное впечатление, что лицо скрыто под тончайшей металлической маской, буквально прилипшей к коже, либо покрыто «бронзовкой», словно багетная рама. Как это было в знаменитом фильме про Джеймса Бонда? Какой-то чокнутый Голдфингер покрывал тела ослушников тонким слоем золотой краски, которая закупоривала поры, прекращала доступ воздуха в организм, человек задыхался и умирал...

Александр невольно посмотрел на кончики своих пальцев – не осталось ли на них бронзовой пылицы? Нет, чисто, есть только странное ощущение особенной сухости кожи.

– Слушай, Алехан, это негритос, что ли? – послышался голос Витька. – Или загорел так? Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, ж-жуть какая...

Александр медленно покачал головой. Он не верил своим глазам! В жизни такого не видел, только читал в медицинских учебниках, видел фотографии в атласах, посвященных редким болезням. На лицо словно бы бронзовая маска надета... Неужели болезнь Аддисона? Сколько слышал Александр, только она одна дает клиническую картину такой выраженной меланопатии.¹ Правду Витек сказал – жуть... Особенно учитывая, что лицо у человека отнюдь не молодое: набрякшие складки, морщины, мешки под глазами, и все это в свете фар играет оттенками бронзы, от золотистых до аспидных.

Век бы такого не видеть, честное слово!

Александр, преодолевая брезгливость, легонько похлопал по бронзовым щекам, но напрасно: человек не приходил в сознание.

– Ладно, открой салон, давай-ка его положим и посмотрим толком, что и как, – велел он. – Бери под коленки, вот так... раз-два, взяли!

Человек был долговяз, но не тяжел. Втащили его в салон без особых усилий, а вот с носилок он свешивался значительно. В свете лампочки бронзовая маска смотрелась еще страшнее. Александр измерил давление – ну, 50 на 80, что-то плохо... Пульс по-прежнему метался, как у зайчика. Александр склонился ближе к лицу больного, осторожно потянул ноздрями.

– Да ну, Алехан, не похож он на пьяного, – вмешался Витек. – Даже я чую, что не пахнет водярой.

---

¹ Меланопатия, меланоз – избыточное накопление в коже пигментов меланина, обеспечивающих ее более темную окраску.

– При чем тут водяра? – буркнул Александр, осторожно поворачивая голову больного. – Я проверял, не пахнет ли ацетоном...

– А, так он все-таки синий! – разочарованно протянул Витек, разумея в данном случае неформального, допившегося подручными средствами до потери сознания алкаша.

– Ты что, не видишь, что он бронзовый? – Александр ощупывал кожу больного. Сухая-то сухая, но все-таки обезвоженной ее не назовешь. – Не синий, а бронзовый! Я поначалу испугался, что у него аддисонический криз, но ацетоном изо рта не пахнет, рвоты, сам видишь, нет, и синдрома менингита нет, тело расслаблено. При кризе человек может погибнуть в считанные минуты, если вовремя помощь не оказать, а у нас с тобой изотонического раствора не имеется. Могло статься, что и до больницы не довезли бы. Но, наверное, дело не в кризе – поработали тут лихие люди...

Он сначала охлопал карманы бронзового, потом вывернул их. Пусто-пусто. Конечно, вряд ли человек ночной порой отправится на прогулку с полным набором документов, а все же не исключено, что его обобрали те же, кто избил. Вот и на запястье левой руки царапина – похоже, стаскивали браслет с часами. Судя по одежде, часики могли быть весьма нехилые.

– Поехали, Витек, – велел Александр. – Сегодня у нас кто дежурит, Пятая градская? Отвезем туда нашего бронзового, пусть посмотрят, что у него с головой, все-таки опасаясь, как бы криз не просмотреть. Заодно нехай полюбуются на клиническую картину – думаю, многие, как и я, про аддисонову болезнь только в учебниках читали...

И невольно вздрогнул, когда что-то вдруг с силой стиснуло его руку.

Зыркнул глазами – здрастье, очнулся бронзовый! Глаза, еще мутные, разбегаются, так и норовят снова закатиться, но он пытается сфокусировать взгляд, и его усилия сводят пугающей гримасой и без того страшное лицо. «Гуинплен! – вынырнуло имя из глубин памяти. – Гуинплен, человек, который смеется! Вряд ли он мог быть страшнее этого бронзового...»

– Н-не на... – чуть слышно выдавил человек. Казалось, на то, чтобы держать Александра за руку, уходили все его силы, на речь ничего не оставалось. – Не на-до в бо...

– Не хотите в больницу? – догадался Александр. – Напрасно. У вас очень запросто может быть сотрясение мозга. Учитывая ваше состояние, оно способно спровоцировать криз – если его до сих пор нет, в чем я вовсе не убежден. Обязательно нужно в больницу.

– Н-нет! – Пожатие стало еще крепче, а голос – еще слабее: – Домой отвезите... каждому по сто... по сто долларов... домой...

Пальцы, сжимающие руку Александра, разжались, голос затих, мутные глаза закатились.

– Да везти-то куда? – Витек склонился над бессильно обвисшим человеком, затормошил. – Эй, ты чего скис? Везти куда, скажи, шас отвезем!

Александр иронически приподнял брови. Витек не давал «клятую клятву Гиппоклята», как поэтично выражались на медфаке, а сто баксов – сумма немаленькая, небось не каждый месяц такая наработка выходит. А тут возник шанс слупить денежку в один прием, всего-навсего поддержав доброго человека в его законном, никем не возбраняемом желании избежать госпитализации. Вот ведь отпустили они двух коллекторных сидельцев, причем совершенно бесплатно отпустили. Зачем же упускать золотую возможность... или правильнее будет сказать – бронзовую?

А все-таки почувствуйте разницу! Те двое ночных побродяжек практически здоровы, отделались легким испугом, а тут редчайшая и тяжелейшая болезнь.

– Не раскатывай губу, Витек, – грубовато-добродушно посоветовал Александр. – Заводи мотор – и поехали в Пятую градскую, причем поехали в темпе и...

Он не договорил. Только что бесчувственное, расслабленное тело вдруг сделалось комом мускулов, метнулось с носилок, едва на сбив присевшего на корточки Александра, ломнулось в еще отворенные задние дверцы – и рухнуло на траву, вновь лишившись сил.

– Ишь какой резвый... – испуганно пробормотал Витек, а Александр только головой покачал.

– Пошли, поможем ему, – велел он, выбираясь из машины и размышляя: «Да что с мужиком такое, почему он до такой степени боится больницы? Разве что уже пролежал там энное количество времени и его накрепко залечили? Такое бывает сплошь и рядом».

– По двести... по двести каждому... слово... честное слово, – сорвалось с едва шевелящихся губ.

– Ставки сделаны, ставок больше нет, – проворчал Александр. – Угломонитесь, торг здесь неуместен. Отвезем мы вас домой, если уж вы так ставите вопрос, только вам придется подписать бумагу, что отказываетесь от госпитализации.

– А я вас... не вызывал... вы ко мне сами привязались... значит, вызова нет в вашем журнале, – прошелестел больной, и Александр не смог удержаться – засмеялся: для едва живого, на ногах не стоящего человека этот мыслил на диво связно и логично!

– Хорошо, обойдемся без формальностей. Сами в машину заберетесь или помочь?

– Помогите встать.

Опираясь на руку Александра, бронзовый поднялся, преодолевая слабость, залез в машину. Прилег на носилки, зыкая исподлобья.

Александр сделал попытку устроиться рядом на креслице, но больной властно махнул рукой:

– Идите в кабину. Нечего вам тут... вижу, что вас с души воротит на меня смотреть.

Александр вновь вскинул брови, но спорить не стал. Вольному воля, спасенному рай, а этот человек безусловно прав. Умный, привыкший властвовать, ранимый, но тщательно скрывающий это... Небось станешь ранимым с такой маской на физиономии!

– Куда вас везти? – спросил он, уже устроившись рядом с шофером и обернувшись в салон.

– Вы Зеленый Город вообще-то знаете?

– Витек, ты знаешь Зеленый Город?

– С пятого на десятое, – пробормотал водитель, у которого отчего-то явно испортилось настроение.

– Ладно. Сразу за развилкой – налево, проедете через две аллеи, на третьей повернете, там опушка и домишко одинокий стоит. Тут два шага вообще-то.

– Два шага – так сам иди, а то вези его... – пробурчал Витек.

– Ты чего злобствуешь? – тихонько спросил Александр, поворачиваясь к нему, и шофер огрызнулся в ответ:

– Ничего! Надо было еще немножко его поманежить, не понимаешь? Он бы нам и по триста отвалил, а то и больше. А ты: торг здесь неуместен, торг здесь неуместен! Сам богатый, Алехан, так, может, рядом с тобой другие – бедные, понял?

Александр кивнул, едва удерживаясь от смеха. Витек живет в изрядном домище в Дубенках, там такой сад и приусадебный участок, что теща его в сезон с утра до вечера не уходит с Мытного рынка, а Витек каждую свободную минуту во время дежурств канючит, что ему надо еще товару «мамаше» подвезти. Причем цены ломовые, деньги за лето набегает такие, что и не снились доктору Алехану, точнее, Александру Меншикову! А Витек, который прекрасно знает, какая зарплата у добрых докторов Айболитов со «Скорой», все твердит: ты богатый, а мы бедные... Ну нельзя, нельзя быть таким жадным и глупым! Прямо-таки кинулся этот бронзовый выносить им в клювике по двести баксов! Небось как только хлопнется за ним калитка домишки, стоящего на опушке, – и забудет про двух лопоухих лохов.

Да и ладно, пусть забудет. Все-таки они отвезут его домой. Если не можешь облегчить страдания человека, хотя бы остерегайся причинять ему ненужную боль, – по этому принципу Александр живет уже который год. Наверное, его запросто назовут пофигистом за то, что не

умирает и не возрождается с каждым своим пациентом, однако он хотя бы научился относиться с уважением к праву человека на страдание в одиночестве. Можно понять этого бронзового, его стремление скрыться от любопытствующих глаз и даже заплатить за это. Кто-то назвал маску Аддисона благородной проказой, но это не более чем издевка. Какое уж тут благородство...

Он не оглядывался – смотрел вперед, невольно запоминая дорогу и прикидывая, найдет ли ее снова. Зачем бы это? Сам не знал, а все же не мог отделаться от ощущения, что надо, надо запомнить. Значит, так – пруд на выезде из Зеленого Города, оттуда налево через две аллеи...

А вот и домишко одинокий... Ого! Ого!!!

Ворота как у крепости, не забор, а каменная ограда, но поверху протянута колючая проволока, поблескивающая в полосах света, падающих из окон стеклянного холла и лестничных пролетов; черепичная крыша изгибается плавными ярусами, тускло мерцают гранитной крошкой розоватые стены трехэтажного особняка. Колонны на широком крыльце. Хорошенький домишко... Можно представить, сколько он стоит. Нет, не стоит и представлять! У калитки стоит-урчит мотором «Круизер» новейшей модели, рядом беспокойно мечутся три фигуры. Завидев «Скорую», замерли, насторожились.

Вперед шагнул широкоплечий, коренастый, коротко остриженный – типичный «качок»:

– В чем дело? Мы не вызывали...

Тонкая высокая женщина в обтягивающих джинсах метнулась вперед:

– Что там? Вы нашли его?

Прилипла к окну «Скорой»:

– Петр Федорович! Ох, ну наконец-то!

Вторая женщина, тоже высокая, стройная, с глянцево-черными, гладко причесанными волосами, тоже в брюках, всплеснула руками:

– Петр! Ты... Где ж ты...

Бронзовый сам открыл дверцу, сам выскочил из салона – явно бодрясь, явно работая на публику:

– Тихо, все хорошо. Меня просто подвезли.

– Подвезли? – Первая женщина – свет фар искрился в ее волосах солнечными брызгами, наверное, они были золотистые – мигом подхватила его тон, из только что срывающегося голоса исчезло беспокойство, одна ирония звенела в нем: – Я же вам говорила, не покупайте «Круизер», берите «Фольксваген», был бы сейчас свой собственный, не пришлось бы на «Скорой» кататься!

Остальные не могли включиться в игру с пол-оборота: черноволосая стояла, прижав руки в груди, словно унимая переполошенное сердце, «качок» переминался с носка на пятку, разудало поводил плечами, ворчал с претензией на грозность:

– Кто вас? Где? Зачем без меня пошли? Кто вас, а? Где они, эти суки?

– Да угомонитесь, – негромко приказал бронзовый. – Серега, выдай по двести «зеленых» этим господам. Не слышал, что я сказал? Спасибо нашей медицине – лучшей медицине в мире. Анна, Марина, пошли в дом.

Обе женщины одинаково повернулись и безропотно ушли, как если бы они были одним существом, носившим имя Анна-Марина. У Александра почему-то ревниво сжалось сердце – черт его знает, почему. Может, потому, что никто из его знакомых девушек не звался Анна-Марина и не повиновался ему с такой покорностью?

Бронзовый задержался – проследил, как широкоплечий Серега исполнил свой долг казначея.

Витек радостно схватил две свои бумажки, Александр замешкался – отчего-то неловко стало. Сначала вообще не хотел брать деньги, но в каком свете тогда он выставил бы Витька?

– Берите, берите! – настоял бронзовый. – И прошу, забудьте обо всем. Понимаете? Забудьте! Вы меня не видели, никогда не видели!

– Ага, – растерянно сказал Витек. – А как же. Само собой, конечно.
Александр промолчал.

Забрались в машину – все так же молча, не прощаясь, развернулись, отъехали. При развороте Александр покосился назад – те двое, бронзовый и его «качок», стояли на прежнем месте, смотрели вслед, одинаково набычившись.

– Черт, как же эта улица называется? – почти с тоской пробормотал Витек, озираясь. – Да и не улица это никакая – один дом...

«А зачем тебе знать?» – хотел спросить Александр, но снова промолчал. Так они и доехали в полном молчании до Верхних Печер, где их ждала окончательно заморенная Ася Ивановна.

– Что там с коллектором-то? – спросила без особого интереса.

– Да так, двое побродяжек пошли за пивом, но это ерунда, а вот после чего было!.. – словоохотливо обернулся было к ней Витек, однако под взглядом Александра смешался, бесвязно пробурчал что-то и отвернулся, склонился к рулю.

На счастье, Ася Ивановна слишком устала, чтобы обращать внимание на всякие странности. Александр тоже вдруг ощутил, как навалилась усталость. Но в эту минуту затрещал «Курьер» – их вызывали на ДТП на площади Горького, около магазина «Европа», – закурлыкала сирена, Витек прибавил скорость... Ненужные мысли отлетели, туда им и дорога! Мелькнуло еще раз это странное имя – Анна-Марина, а потом отлетело и оно, осталась одна привычная суета.

ИЮНЬ 1980 ГОДА, ЗАМАНИХА

Сберкассу брали ночью.

Утром, полдевятого, пришла кассирша Татьяна Андреевна, начала стучать, чтобы дежурный милиционер Лукьянов ее впустил, смотрит – а дверь приотворена. Поскольку такого не случилось за все двадцать лет ее работы в сберкассе, Татьяна Андреевна встревожилась. Стоит и смотрит на дверь, сама не зная, отчего это ее взяло такое оцепенение. Вдруг видит – на крыльчке шпилька валяется. Самая обыкновенная шпилька. Такими небось каждая вторая женщина косу закалывает – у кого она есть, коса-то. К примеру, у Анюты Калининой, уборщицы, роскошная, тяжелая черная коса, даже не коса, а косища – чтобы удержать ее, десятка шпилек мало, поэтому чаще всего Анюта позволяет ей свободно змеиться по спине, повергая в содрогание мужчин, которые невольно оглядываются вслед точеной Анютиной фигуре.

Тут Татьяна Андреевна возьми да и подумай: а может, это Анюта раньше времени убираться пришла, Лукьянов ее и впустил? Такого, правда, не бывало никогда: Анюта вечно опаздывала, да и не по правилам это – прийти раньше кассира. Но мало ли что случается? Хотя нет, вспомнила Татьяна Андреевна, Анюта уехала на неделю аж во Владимир, сдавать экзамены в пединституте, где училась заочно, да еще тетку проводить заболевшую, ну, разве что вернулась до срока – и сразу, немедленно кинулась мыть затоптанные полы в родимой сберкассе... Татьяна Андреевна покачала головой: представить себе Анюту, спешившую куда бы то ни было, кроме танцев в клубе, она никак не могла. Даже на свидание с Ванькой Бушуевым, которому она откровенно морочила голову, Анюта шла как бы по обязанности, как бы через силу, а значит, опаздывала и туда.

Пока Татьяна Андреевна так вот стояла на крыльчке, позади послышался шум мотора. Она обернулась – во двор сберкассы въехал милицейский «газик».

– Что там у вас? – не здороваясь, спросил Игнаточкин, дежурный охранной части.

Не здоровался он потому, что они с Татьяной Андреевной были соседями и вчера, как раз перед тем как Игнаточкину заступать на дежурство в отделе охраны, поссорились из-за Татьянинного пса Бобика, который слыл первейшим куроедом на всю Заманиху и, по твердому убеждению Игнаточкина, приел его пожилого, но еще вполне справно петуха, оставив на память хозяевам только перья.

Игнаточкин уверял, что никто, кроме Бобика, на такую подлянку не способен. Татьяна Андреевна клялась, что у Бобика полное и несомненное алиби: в момент совершения преступления он сидел на привязи, поэтому виновника надо искать где-то в другом дворе. Разговор происходил на повышенных тонах и повлек за собою неминуемое охлаждение некогда дружественных отношений. Именно поэтому Игнаточкин сейчас не озаботился поздороваться, а сердито спросил:

– Что там у вас? Почему Лукьянов не позвонил на пост в семь тридцать, не отметился, как положено?

– Да я только что пришла, – вызывающе сказала Татьяна Андреевна. – Смотрю, дверь открыта.

– А Лукьянов где?

Почему-то Татьяне Андреевне стало неловко выдать свое беспокойство. И стыдно стало, что вот стоит на крыльце, словно боясь войти. И она ответила с усмешкой:

– Небось в сберкассе, где ему еще быть?

Толкнула дверь – и вошла.

Лукьянов и впрямь оказался в сберкассе. Только не в своей камере, рядом с пультом сигнализации, и даже не в зале, и не в хранилище около сейфа. Он лежал на полу в подсобке – и все вокруг было залито кровью, натекающей из его размозженной головы.

Игнаточкин и Татьяна Андреевна пришли туда по кровавому следу: щедрая россыпь красных, уже загустевших пятен отмечала путь, которым несли Лукьянова из коридора. Его убили почти у входной двери: убили ударами в затылок, и на стене на трех уровнях веером разлетелись кровавые пятна. На высоте роста Лукьянова – значит, его ударили первый раз, когда он стоял. Потом он начал оседать, но убийца не унимался: бил снова и снова, пока Лукьянов не рухнул на колени и не завалился лицом вниз. Тогда убийца добавил еще удар в висок... Нет, это были убийцы – как минимум двое, потому что потом тело не волокли по полу, а с максимальной возможной аккуратностью перенесли в подсобку. Там и бросили. А вокруг трупа, и в кассовом зале, и в коридоре там и сям валялись пуговицы, маленькие пуговицы, чудилось, сорванные с женской блузки. И шпильки – совершенно такие, как та, которую Татьяна Андреевна подобрала на крыльце.

Сейф сберкассы был открыт – не взломан, а именно открыт. И ключ в замке торчал. Когда Татьяна Андреевна это увидела, сразу начала обморочно сползать по стенке. При виде крови и жутко убитого Лукьянова она крепилась, только рот зажимала рукой, а тут силы-то и кончились. Игнаточкин исподлобья глянул на ее помертвевшее лицо, потом подошел к столу кассира и выдвинул верхний ящик. Так, замочек сломан, все понятно.

Пошарил в ящике и покачал головой...

– Ключик небось под газеткой держала? – спросил негромко.

Татьяна Андреевна даже кивнуть не смогла – только веки опустила. А что?! Да небось все кассиры деревенских сберкасс держат ключи от сейфов в своих столах под газеткою, которой застелен верхний ящик! Куда его еще девать? Не с собой же домой носить – еще потеряешь, да и по инструкции не положено. Опять же в сберкассе охрана. Если уж набитый деньгами сейф оставляют под охраной, то и ключик, понятное дело! Ну, унеси она с собой ключ, грабители все равно вскрыли бы сейф, за этим они сюда и пришли!

Все эти доводы молнией промелькнули в голове Татьяны Андреевны под пристальным, осуждающим взглядом Игнаточкина. Да елки же палки, как будто он сам живет по инструкции и всегда выполняет все ее предписания! Не ездит на рыбалку на казенном мотоцикле и сдает табельное оружие, уходя с дежурства! Нет на свете правильных людей, нет их!

Это верно. Но только одним везет, а другим – нет. Одним сходит с рук оставить ключик в столе под газеткою, а у других этим ключиком окажется вскрыт сейф. Одним ничего не будет за то, что они откроют во время дежурства кому-то дверь сберкассы, а другим за это проломают голову тридцатью ударами тяжелого предмета...

Убийцы Лукьянова унесли из сейфа восемьдесят тысяч рублей. Дело происходило в 1980 году. На эти деньги тогда можно было купить восемь автомашин «Волга». Так, на минуточку вообразить...

АВГУСТ 2001 ГОДА, НИЖНИЙ НОВГОРОД

– У тебя денег, случайно, нет? – спросила Нина, лениво проводя пальцем по груди Александра. – А, май лав? Как насчет маленькой денежки для твоей хорошей девочки?

– На мороженку? – отозвался Александр, убирая ее руку (он боялся щекотки) и изо всех сил стараясь говорить спокойно, хотя в душе мгновенно взвились вихри. Не в деньгах было дело, не из-за них он завелся с пол-оборота... хотя нет, именно из-за денег. Вернее, из-за этой Нинкиной манеры начинать подобные разговоры тотчас после любви. Как будто она не понимает, что так могут вести себя только продажные женщины? «Я тебе дала, а теперь ты мне дай». Хоть бы какие-то приличия соблюдала, что ли... Не могла подождать даже полчаса, когда они встанут с постели и, подобно добропорядочной семейной паре, усядутся пить чай? Но в том-то и дело, что они не добропорядочная пара, даже любовниками их трудно назвать в полном смысле слова... нет, они просто знакомые, которые встречаются не по любви, а вот именно что для спорадического трахен-бахена. Как выражаются в народе – когда приспичит. Ни того ни другую эти поцелуи во имя исполнения некоего обряда *прелюдии* или вымученно-ласковые слова особо не заводят.

Оба спешат поскорее перейти к делу, но после некоторых торопливых телодвижений вздыхают с явным облегчением не из-за того, что достигли наконец блаженства, а просто потому, что дело сделано и можно не играть друг перед другом в какие-то чувства, не изображать влечение – лучше полежать, отдохнуть, потом принять душ, попить чайку, уже с трудом сдерживая желание поскорее расстаться – и наконец разбежаться до следующего «когда приспичит», а это может произойти через неделю, через две, три, через месяц, а то и больше. Как-то раз они не встречались месяца три. И ничего, никто особо не страдал в разлуке. «И все же... если хоть изредка изображаем некое подобие любви, значит, должны соблюдать определенные приличия, – тоскливо подумал Александр. – Чтобы хотя бы друг перед другом стыдно не было».

Ага, приличия! Не в приличиях дело. Тебе не хватает романтики. Вернее, этой самой любви... не количества и качества фрикции, а именно любви!

Ну и что? Мало ли кому чего не хватает? Тебе – любви, Нинке вон – денег...

– Сколько тебе надо? – спросил он, изо всех сил пытаясь скрыть затаенную обиду.

– А у тебя сколько есть?

У Александра было пятьсот рублей и еще те две зеленые бумажки по сто, полученные нынче ночью. Вот интересно, позвонил бы он сегодня Нинке, зазвал бы ее в койку, если бы не было ночного приключения и этих двух женских фигур, одинаково стройных, высоких, одной – со сверкающим золотом волос, другой – со смоляной косою? Они были словно день и ночь и звались удивительным именем Анна-Марина...

Стоило их вспомнить – и его снова пробрала дрожь подступающего желания. Встал, набросил тонкий штапельный халат, чтобы Нинка не увидела *этого* – ведь не ее он захотел так внезапно, зачем же отводить ей роль куклы из секс-шопа, а точнее, подобия латексной вагины?

– Сколько есть? Пятьсот рублей, – буркнул он, вдруг решив, что не только не скажет ей про доллары, но даже и тратить их не будет. Самое правильное было бы их вернуть, но стоит только представить, как глупо это будет выглядеть... Нечего кривить душой: даже если потащишься делать такой нелепый жест, только лишь для того, чтобы увидеть сам знаешь кого. Но во-первых, не факт, что увидишь, – скорее всего охранник Серега и за ворота не пустит, а во-вторых, ночь с ее тайнами – это одно, день – другое, он несет иной раз такие разочарования... Нет, деньги возвращать – кретинство. Если они так уж разъедают твое самолюбие, то пусть валяются. Как говорится, на черный день. Кушать баксы не просят, а черный день однажды и в самом деле может наступить.

– Пятьсот? До какого? До двадцатого? – Нина чуть нахмурилась, как бы рассчитывая в уме. – Ладно, дай мне триста пятьдесят, поделим по-братски.

Спасибо, что хоть все не потребовала, смиренно вздохнул Александр. Все-таки до двадцатого, то есть до зарплаты, еще жить да жить. Но все равно, он отдал бы ей все, что ни попросила бы. От стыда за себя, за то, что позвал сегодня, звал раньше... за то, что не хочет больше звать, но, может быть, не удержится. Вообще-то, по-хорошему, Нинка девчонка нормальная, а если в постели лежит бревно бревном, так, может, в этом прежде всего Александр и виноват? Но что поделаешь, если в ее присутствии ничего особенного с ним не происходит? Не звенит ...

– Тогда тебе придется подождать, я спущусь вниз в магазин, разменяю. Пятисотка моя одной бумажкой.

– Разменяй, – согласилась Нинка.

– Только сначала в душ забегу.

– Ага. А я пока чайник поставлю.

Александр включил газ, подождал, пока раскочегарится колонка – он любил очень горячую воду, – и влез в ванну. Задернул шторку, направил на себя душ – и подумал философски, что разрядка, даваемая женщиной, – это всего лишь разрядка, снятие статического электричества, а наслаждение – вот оно, эти почти раскаленные струи, омывающие тело, горячий пар, ощущение легкости и чистоты...

– Сашка-а! О-ой, нет, не надо, что вы...

Истерический крик Нины, потом захлебывающаяся скороговорка, потом поток прохладного воздуха, ворвавшийся в горячий кокон, которым только что был окутан Александр, – кто-то резким рывком отдернул пластиковую шторку... и тотчас он увидел, кто это.

Невысокий, широкоплечий, чем-то смутно знакомый парень – совсем молодой, небось не больше двадцати лет, но весь какой-то потрепанный жизнью, про таких говорят: «Битый-перебитый!» – держит перед собой Нину, безжалостно заломив ей руку. В руке – пистолет, дуло уперто Нине в висок, как будто мало этой вывернутой руки, которую и сломать можно, если силу приложить.

Взгляд Александра скрестился со взглядом светло-карих насмешливых глаз – этому типу с пистолетом было весело! – и он мгновенно понял, что попытка хлестнуть его струей горячей воды из душа будет напрасной: он просто-напросто прикроется Ниной.

– Саша, ой, Саша... – стонала она, заводя от боли глаза.

Жалость, бешенство, стыд – велика радость стоять перед этим незнакомым в чем мать родила! – все смешалось, перехватило горло.

– Отпусти ее, чего надо? – с трудом выдавил Александр.

– Вылезай и не дергайся. Шаг вправо, шаг влево... – ухмыльнулся парень, с мужским, каким-то соперничающим любопытством меряя взглядом чресла Александра. Точно так же в бане мужики исподтишка косятся друг на друга – не без ревности: у кого *это* больше, толще, длиннее? Вообще-то Александру стыдиться в этом смысле было нечего, но сейчас его охватило форменное бешенство!

– Нормального мужика не нашли, педика прислали? – спросил он, нарываясь, конечно, однако не в силах сдержаться.

Против ожидания парень не оскорбился – снова ухмыльнулся:

– А почему ты знаешь, что меня кто-то прислал? Может, я сам пришел на тебя поглядеть?

И при этих словах смутные догадки, бродившие в голове Александра, внезапно оформились в четкий, накрепко запомнившийся образ. Он уже видел этого парня – правда, ни цвета глаз, ни цвета волос, ни даже черт лица толком не рассмотрел, дело происходило ночью, однако было что-то неповторимое, запоминающееся в голосе, в повадках, в манере поводить широкими, накачанными плечами. Тем более что встреча произошла меньше суток назад. Никак

не мог Александр забыть Серегу, охранника-«качка» с загадочной дачки человека, который носил намертво приставшую к его лицу бронзовую маску Аддисоновой болезни!

– Узнал? – удивился Серега, которому нельзя было, конечно, отказать в проницательности. Вот ведь, сразу приметил эту искру, мелькнувшую во взгляде Александра. – Да, не зря *он* тебя испугался!

– Это *он* тебя послал, значит?

Им не было нужды уточнять, о ком идет речь.

– Да.

– Зачем? – И тут же мелькнул в голове ответ на вопрос, но ответ сей был настолько нелепый, настолько безумный, театральный, нереальный, что Александр не нашел ничего лучшего, как прикрыться злой иронией: больше-то ведь нечем было! – Витек живой еще? Моя очередь первая?

Серега расплылся в ухмылке:

– Не трясись... не бойся. Если б надо было тебя убрать, ты и не заметил бы, кто тебя в совок замел. Я б тебе не дал такой возможности – заметить. Я сейчас по-дружески пришел, просто так – совет тебе дать: ты помалкивай, понял? А то сюжет будет разрабатываться по классической схеме: девочку твою разложат и отработают так, что потом проку с нее никакого не будет. – Он оттолкнул Нину в угол, к стиральной машине. – А девочка хорошая, неужто не жалко?

Девушка упала на колени, скорчилась, обхватив голову. Рубашка Александра, которую она набросила, когда, очевидно, ринулась так опрометчиво открывать дверь на звонок, едва прикрывала тугий задик.

– Тебе в задницу тоже хорошего ерша загонят, – продолжал стращать Серега, – ну и так далее...

Улыбка не сходила с его круглого, простецкого, можно сказать, даже привлекательного лица, но глаза похолодели, из чего следовало сделать вывод, что он говорит серьезно.

– Тебе не трахали еще, нет? – спросил он с доброжелательной улыбкой. – Мама дорогая, скольких я таких, как ты, Машками сделал на зоне – не сосчитать. Что характерно, некоторым нравилось. Ей-богу, не вру! Сначала вроде даже в петлю готовы, а потом в тако-ой вкус входят! О вкусах, как говорится, не спорят...

Александр медленно, вкрадчиво улыбнулся.

– Слушай, а ведь я тебя знаю, – сказал негромко.

– Понятно, знаешь! – хмыкнул Серега. – Ого, как ты ночью глазками шнырял! Приметливый, это я сразу просек.

– Нет, я тебя еще раньше видел, не только вчера ночью.

– Как это ты мог меня видеть? – озадачился Серега. – С кем-то путаешь.

– Да ничего я не путаю, – спокойно ответил Александр, глядя ему в глаза. – У меня абсолютная память на лица. Виделись мы на Первое мая. Я тогда в линейной дежурной бригаде работал, мы приехали на вызов к двум педикам, которым мало было собственных палок, так один другому взял да и засунул уполовник в задницу. От чувств-с, как Миша Бальзаминов говорил. Видел кино «Женитьба Бальзаминова»? Ну вот... засунул, значит. А уполовник-то с ручкой, возьми и застрянь. И никак его не вытащить. Вызвали «Скорую», а что мы можем в домашних условиях? Тут оперировать надо или не знаю что. Повезли страдальца в машине, а у нас тогда «Волга» была, ему там с этим крючком в заднице ни встать, ни сесть – от неосторожного толчка уполовник еще глубже загоняется. Поставили табурет сзади в салоне, на него раком взгромодили парня, причем задница его с уполовником пришлась как раз напротив окна. Обычно из окон нормальные лица смотрят, на худой конец – собачьи морды, а тут что? Правильно, твоя жопа. Это ведь ты был, верно, Серега? Это ведь именно тебе друган для уси-

ления чувств уполовник аж по рукоять засадил? Ты только скажи, без операции обошлось или все же резать понадобилось? Тебя – или уполовник пилили по кусочкам?

– Са-ша, не на-адо! – в голос завопила Нинка, сгибаясь уж вовсе в три погибели и закрывая руками голову.

«Не могу ее больше видеть, – с облегчением и тоской понял вдруг Александр. Нашел, конечно, время принимать судьбоносные решения!.. – Глаза б мои на нее не смотрели! Все, все кончено. Если выберемся из этого живыми, больше никогда ей не позвоню, слово даю!»

А шансы выбраться «из этого» живыми, судя по остекленевшим глазам Сереги, были равны нулю. А может, даже минус единице.

– Ты... что? Ты... что? – со свистом выдохнул Серега, как будто его внезапно поразил сильнейший приступ астмы.

– А что такое? Ты правильно сказал, о вкусах не спорят! – сделал невинные глаза Александр.

Пальцы Сереги нервно тискали рукоять пистолета. Но постепенно сознание возвращалось в остекленевшие светло-карие глаза, выражение их становилось осмысленным – злобным, ненавидящим, но контролируемо злобным, осмысленно ненавидящим.

– Спасибо за совет, – пробормотал он высохшими, побледневшими губами. – С уполовника мы и начнем, как только ляпнешь, где был сегодня ночью и кого видел. Понял? Кстати, можешь его уже сейчас покупать, уполовник-то. Вот, велено тебя профинансировать. – Он выхватил из кармана и швырнул на пол две зеленые бумажки. – Хочешь, все себе возьми, хочешь, водиле своему отдай. Чао!

И быстро вышел из ванной. Протопали его шаги за стенкой в коридоре, хлопнула входная дверь. Создалось впечатление, что Серега поспешил уйти, чтобы не сорваться, не нарушить приказа. Приказ ведь явно был – поугатать, напугать страху, но никого не трогать...

Александр наклонился над раковиной и принялся плескать в лицо холодной водой. «Поугатать, но не трогать, – повторял он. – Поугатать, но не трогать...»

Очень хотелось убедить себя в этом. Хотелось самого себя заставить поверить, что он ничем не рисковал, мог сколько угодно издеваться над Серегой. Потому что если и было что-то в жизни, чего Александр совершенно не выносил, что могло заставить его рехнуться от злости, взбеситься до полной потери сознания и ринуться грудью на амбразуру, откуда строчил пулемет, – так это угроза. Любая угроза, особенно такое вот грубое, наглое давление, превращала его в берсерка – или некое осовремененное, чуть-чуть пообтесанное цивилизацией подобие этого обезумевшего викинга. Но сейчас он рисковал не только своей жизнью, а еще и жизнью Нины...

Словно услышав свое имя, девушка вдруг подхватила с пола и уставилась на Александра стеклянными от страха и ненависти глазами.

– Убийца! – закричала она. – Ты понимаешь, что меня могли убить из-за тебя? Ненавижу! Ненавижу! Пропади ты пропадом!

Какие-то мгновения она качалась взад-вперед, нелепо размахивая руками, как если бы с трудом сдерживала желание наброситься на Александра и отхлестать его по щекам, потом с рыданиями бросилась вон из ванной. Он слышал, как она бежит взад-вперед, – Нина, очевидно, собирала свои вещи, одеваясь на ходу, – потом раздалось еще одно смешанное со слезами:

– Ненавижу! – и Нина, с очередным хлопком входной двери, вылетела из квартиры. Александру хотелось надеяться, и из его жизни...

Покачал головой, глядя на свое отразившееся в зеркале озлобленное, бледное лицо с потемневшими глазами. Бледный, как стенка, а щеки горят. Еще бы не горели, ведь словил-таки кайф!

Дурак, мальчишка, бретер! Ну да, ну да, Долохов, сидевший, свесив ноги, на подоконнике четвертого этажа и хлебавший из горла шампанское, одно время был его любимым героем.

Только эти страницы из великого, ну слишком великого романа Л.Н. Толстого «Война и мир» он мог читать запоем, снова и снова. Это было в школе, в девятом классе, или в каком там проходят бессмертную эпопею? Номер-то класса он забыл, а вот жажду посидеть на подоконнике с шампанским – сыграть в этакую «русскую рулетку»! – сохранил в душе навсегда.

Его запросто можно было *уговорить* что-то сделать, но не *заставить*. И главное, без угроз, только без угроз! Угрозы в подобных ситуациях производили совершенно противоположный эффект.

Конечно, ни Серега, ни, тем паче, его бронзовый хозяин этого не знали и знать не могли. Но это уж их проблемы. Как говорят юристы, незнание закона не освобождает от ответственности!

МАЙ 2000 ГОДА, НИЖНИЙ НОВГОРОД

– Откуда лещик-то?

– Аж с Камышина.

– А не врешь? Может, на Горьковском море гельминтного леща черпаком с поверхности собрали – да и завялили?

Молоденькая цыганка в тесной алой кофточке играла яркими глазами:

– Что ты такое говоришь, баро? Какое еще горькое море? Каспийское знаю, про Черное слышала, а горькое? Неужто и такое есть? И какая же там вода? В самом деле горькая?

– Да не горькое, а Горьковское, – усмехнулся Манихин, против воли шныряя глазами в вырез ее кофтенки, откуда так и перли тугие груди. – Понимаешь? Горьковское. Город назывался Горький, значит, и море Горьковское.

– Ну я же говорю – горькое! Но мои лещики не горькие, попробуй – не оторвешься. Выбирай, какой на тебя смотрит. Да вот с икоркой, хочешь? Смотри, до чего жирный!

Чуть сдвинув в сторону множество своих цветастых юбок, раскинутых возле горы вяленой рыбы, она подняла большущего леща с толстым брюхом, помяла не то смуглыми, не то чумазыми пальцами, унизанными кольцами:

– Попробуй перышко, баро, потом тебя и за уши не оттянешь!

Манихин взял плавник, лизнул. Хороший посол. В самую меру. Да и на глаз видно, что лещ отменный: чешуя не тускло-желтая, а серебристая, яркая. Умеют, гады, делать... Хотя не сами цыгане, понятно, вялят – они только перекупщики. Но товар хороший, не придерешься. Каждое воскресенье они с Анной приезжают на Канавинский базар за столь любимой Манихиным воблой или просто вяленой рыбой, лещами ли, чехонью, красноперкой, но такой классной рыбищи за все лето еще не видели.

– Анюта. – Он оглянулся на жену, молчаливо стоявшую за спиной. – Как, возьмем десяток? По-моему, хорошая рыба.

– Ты у нас специалист, не я.

Анна с улыбкой разглядывала цыганку, которая норовила приманить покупателей не столько качеством товара, сколько своей броской, наливной красотой. Поймав ее взгляд, та понимающе ухмыльнулась и отработанным движением плеч упрятала в кофточку свои вызывающие груди, прекрасно понимая, что мужика это приманит, а женщину – отпугнет.

Анна не выдержала – засмеялась:

– Да, рыбешка что надо!

– Почем лещи? – послышался рядом женский голос.

– Смотря какие. – Цыганка тыкала пальцем в разложенные кучки. – Эти по десятке, эти, покрупнее, – по пятнадцать, эти, королевские, – по двадцать.

– Ну прямо-таки королевские! – фыркнула женщина с таким раздражением, что Анна невольно на нее покосилась.

Ох, да она совсем молоденькая, лет двадцати пяти – двадцати шести, с чудными золотисто-русыми волосами. Легкое взвихренное облако разметалось по точеным плечам, беззаботно выставленным из легкого сарафана. А кожа какая... светится, истинно светится! Рядом с такими чудными цветами, как эта блондиночка и как цыганка, женщина не первой молодости, пусть даже не обделенная броской, яркой внешностью, привыкшая за жизнь к своей красоте, к безоговорочному мужскому восхищению, чувствует себя не то чтобы невзрачной, но изрядно поблекшей. Конечно, эта девочка вполне годится Анне в дочери, да и цыганка тоже, даже еще больше, потому что Анна и сама по-цыгански смуглая, черноволосая и черноглазая.

Дочку Анна всегда хотела, всю жизнь... Но не дал господь. Хорошо живут они с Петром, жаловаться грех, а детей нет и не было, и, хотя женились по великой любви и с годами страсть

между ними не остыла, нет-нет да и начинаешь задумываться, когда тщательно закрашиваешь басмой предательские серебряные нити на висках: все-таки любовь мужчины и женщины – это две разные любви. Что, если не сегодня-завтра прельстит взгляд Петра такая вот легко-ногая, статная, с мрачноватыми серыми глазами? Или стихийная секс-бомба вроде цыганки? Как тогда жить, что делать? Иногда она сама, нарочно, из какой-то потаенной, глубинной вредности, устраивала себя мучительные испытания: когда брала в дом горничную или повариху самой вызывающей внешности и развязности. Но какое-то вещее чувство уверенно подсказывало: бесполезны все их взгляды, и охи-вздохи, и откровенные авансы – Петр никого не замечает, когда рядом Анна, а когда ее нет, думает только о ней. Ну и слава богу, ну и хорошо, значит, можно не тревожиться от того, что одна немыслимая красавица стоит сейчас бок о бок с Петром, а другая трясет перед ним тугими грудями... кстати, на блондинке тоже нету лифчика и с грудями там тоже все обстоит как надо, даже на женский, ревнивый Аннин взгляд!

– Нет, дороговато, – с сожалением сказала блондинка и пошла прочь, легко ступая своими высоко открытыми, точеными ногами и оттягивая носочки, как танцовщица.

– Дороговато ей! – проворчала вслед цыганка, не без ревности провожая взглядом эту своеобразную, летящую поступь. – Вяленая рыба не женская еда, правда, баро?

– Правда, – согласился Петр. – Моя жена воблу не ест – это мои забавы. Ладно, давай десяток королевских, да смотри, чтобы все были такие, как этот, один в один!

– Ах, баро, какой-то же ты золотой, изумрудный, бриллиантовый! – словно не веря своему счастью – сразу на двести рублей продала товару! – забормотала цыганка, проворно швыряя лещей – ничего не скажешь, они были отборные, один другого краше! – в подставленный Анной пакет. – Желаю тебе жизни десять тысяч лет, и жене твоей, и детям!

Получила деньги, подхватила с места и понеслась невесть куда, взвихривая пыль веерами своих пышных юбок и не обращая никакого внимания на оставленную рыбу. Ей вслед недоуменно посмотрела немолодая чеченка, одна из многочисленных перекупщиц вяленого товара.

– Сейчас вернусь! – крикнула ей цыганка. – Деньги мужу отдам и вернусь!

Чеченка кивнула, опасливо огляделась – и принялась перебрасывать одну за другой самые лучшие рыбины из цыганкиной кучи в свою.

Анна и Петр исподтишка переглянулись, рассмеялись и пошли к машине, справедливо рассудив, что вмешиваться в маленькие секреты большого рыбного бизнеса, как, впрочем, и в сложные межнациональные отношения, им нет резону.

– Десять тысяч лет жизни, с ума сойти... – пробормотал Петр. – На что ж я буду похож через десять тысяч лет?

Анна исподтишка окинула мужа любящим взглядом. Вот уж правда что, не про него ли песня сложена: каким ты был, таким остался, орел степной, казак лихой? Среди тихих, медлительных, беловолосых увальней владимирской деревни Заманихи он один был такой – яркоглазый, дерзкий, с темно-каштановым курчавым чубом, и впрямь очень похожий на лихого казака – на Григория Мелехова, каким его сыграл в фильме «Тихий Дон» артист Глебов. Анна тоже чем-то напоминала Аксинью, разве что была статью не полной, а тонкой – не только в юности, но и до сих пор сохранила девичью стройность. Они с Петром и сейчас красивая пара – оба высокие, подтянутые, худощавые, с точеными лицами и темными волосами, только Петр синеглазый, а у Анны глаза черные, оба на редкость молодежавые, а уж в прежние годы были вообще на загляденье, старые фотографии, еще свадебные, просто-таки слезу умиления вышибают у всех, кто их смотрит.

Никто, никто не мог сравниться с Петром по стати, удали, красоте, даже Ванька Бушуев, даром что был тоже красавец не из последних и удалец, каких мало. Но до Петра не дотягивал, оттого и злобствовал, оттого и цеплялся к сопернику, как репей... Нет, репей безвредный, он только оцарапает, ну, одежду попортит, это в худшем случае, а Ванька из одной только

ревности и зависти к Петру едва не изломал им с Анной жизнь... сам за это и поплатился, черная душа! Сгинул в безвестности, в позоре. Вот уж сколько времени с тех пор прошло, а жалят порою воспоминания тех тяжких лет... и притом, что были они порою невыносимыми, они же остались и самыми счастливыми, самыми яркими годами в жизни Анны, это она теперь понимает. Потом все было – и богатство, и благополучие, которое заслуженно пришло к Петру, великому труженику, и любовь их цвела пышным цветом, по сию пору не отцвела, а все же не было больше того высокого накала чувств, того горения, какое испытывали они когда-то... как ни странно, благодаря Ваньке Бушуеву, грозившему их разлучить. Не удалось!

– Глотнешь?

Анна очнулась. Бог ты мой, ну чуть ли не утонула в печальных мыслях! Даже не заметила, как они с Петром забрали покупки и дошли до машины, как сели. Петр уже успел разложить на газетке одного из только что купленных лещей и открыть бутылку своего любимого «Красного сокола».

– Нет уж, сам пей. А я лучше «Крем-соды» попью.

Она не любила пива, даже безалкогольного, вообще никогда не пила. Петр же, принципиально не берущий в рот спиртного с той самой ночи, когда из-за лишку выпитого попал под неусыпное, злобное подозрение Ваньки Бушуева, употреблял теперь только безалкогольное пиво: и то лишь ради непревзойденного, классического сочетания двух вкусов – пива и вяленой рыбы. Это был своего рода ритуал: купить на Канаве рыба, открыть бутылочку ледяного, запотевшего в термосе-холодильнике «Красного сокола»... Вон как вгрызается в соленое, сочное рыбье мяско! Анна никогда не спрашивала мужа, почему он так любит есть в машине, но догадывалась: вспоминает о молодости, когда работал шофером на турбазе и частенько вот так перекусывал воблой и пивком. Не безалкогольным, конечно, тогда ни о чем подобном не слыхали, – обыкновенным «Волжским». В этом была особая доблесть, чтобы глотнуть в пути пива, а потом уйти от Ваньки Бушуева, который стерег каждый шаг Петра Манихина и готов был за один только запах алкоголя упечь за решетку, если уж не удалось пришить то страшное дело. Анна читала: вот так же какой-то ловкач посадил гангстера Аль Капоне не за совершенные им страшные преступления, а всего лишь за неуплату налогов. Хотя, с другой стороны, за пьянство за рулем Петра вряд ли посадили бы – ну, отобрали бы права, чего еще?

А впрочем, нет, Ваньке главное было – найти, как в него вцепиться, – и он не оторвался бы, присосался бы намертво, не успокоился бы на достигнутом, точно посадил бы!

– Извините... извините, можно вас спросить?

В окошко просунулась золотистая голова, блеснули встревоженные серые глаза. Да ведь это та самая красотка, которая торговалась с цыганкой из-за лещей!

– Ой, извините ради бога, вы, случайно, не в Зеленый Город сейчас поедете?

– Вообще-то да. – Петр чуть не поперхнулся от удивления. – А вы откуда знаете?

– Я тоже в Зеленом Городе живу, мы ведь с вами практически соседи. Березовая, 22, я там квартиру снимаю. Сегодня, когда около рыбы столкнулась с вами, ну прямо голову сломала: где, думаю, я их видела, ну где? И вдруг меня прямо как осенило. Я понимаю, конечно, что это очень нахально с моей стороны, но... пожалуйста, может быть, вы прихватите меня до Зеленого Города, а? У вас же машина пустая, а я... понимаете, я сегодня из Москвы утром вернулась, у меня багаж просто-таки невероятный, даже страшно подумать, как все это везти до Сенной, до автовокзала, а там тащиться на автобусе?

Анна глянула на руки незнакомки, отягощенные только плетеной сумкой, довольно легкой на вид, вот разве что книжка из нее торчала весьма на вид увесистая.

– Ах нет, – засмеялась девушка, поняв ее взгляд, – за этой книжкой я нарочно на рынок приезжала, здесь хороший лоток по прикладной литературе. А багаж мой в камере хранения на Московском вокзале.

– Рыбы-то купили? – спросил Петр, покончив с очередным куском леща.

– Да, чехоньку небольшую. Это для моей квартирной хозяйки, она любит вяленую. Так подвезете? Если только не очень дорого...

Петр посмотрел на жену. Анна пожалала плечами – почему не подвезти?

– Садитесь. Только подождать придется, пока я с рыбешкой не расправлюсь. Желаете? Присоединяйтесь. Анюта, стаканчика чистого не...

– Спасибо, нет, спасибо большое! – Девушка, уже впорхнувшая на заднее сиденье, даже руками замахала, отнекиваясь. – Спасибо, но я пива не пью. Нет. И рыбу... извините, не обижайтесь, но как-то не... не понимаю. Не моя еда.

– А ваша какая? – Петр высунулся из дверцы, плеснул пива на одну руку, потом на другую. Мало кто знает, но пиво все запахи отбивает, даже такой острый, как рыбный.

– Я сыр люблю, хотя от него дико толстеют. Рыбу, впрочем, тоже люблю – только не вяленую. Почему-то люблю котлеты рыбные – их как-то все ненавидят, а я люблю. Особенно из горбуши. И если добавить в рыбу тертую тыкву или кабачки, это вообще необыкновенное что-то получается.

Девушка даже слюнку проглотила. Анна почему-то тоже. Переглянулись – и невольно засмеялись.

– А что у вас там за книжка? Не по кулинарии? – полюбопытствовала Анна. – А то вы так вкусно рассказываете...

– Нет, это по керамике. Я немножко занимаюсь керамикой, ну, договорилась в Зеленом Городе, что буду вести в санаториях кружки для отдыхающих. Многие с удовольствием на отдыхе занимаются такими вещами, для которых времени не находится в обычное время. Хотите – приходите, научу. Хотя я вообще-то педагог, русский язык и литература, но в школе в Зеленом Городе место уже занято, у них есть словесник.

– Ага! – с интересом сказал Петр, переводя взгляд с жены на хорошенькую незнакомку. – Так вы, значит, соперницы?

– Это почему? – удивилась девушка.

– Потому что словесник в школе в Зеленом Городе – это я, – сказала Анна – может быть, чуть резче, чем хотелось. Странно, как задел ее оттенок двусмысленности, прозвучавший в словах мужа насчет соперниц... Внезапно захотелось попросить девушку уйти, но глупее этого трудно было что-то придумать.

Кажется, блондинка тоже почувствовала неловкость. То сидела, наклонясь вперед, а то забила в уголок заднего сиденья, понурилась, даже легкие кудри перестали клубиться.

Тем временем подъехали к вокзалу.

– Помочь вещи принести? – спросил Петр.

– Нет. – Девушка легко выскочила из машины, чуть не выронив книгу. – Нет, спасибо, я возьму носильщика, и... знаете что? Наверное, в самом деле не стоит вас обременять моими проблемами. Спасибо, что довезли до вокзала, я дальше сама как-нибудь.

Анна усмехнулась. Девочка и в самом деле не без тонкости... Хорошая девочка! Наверное, с такой внешностью ей частенько приходится слышать вполне откровенные намеки, научилась себя держать и ставить на место всяких старых ловеласов. Хотя Петр не ловелас, совсем нет. И отнюдь не старый!

От этой мысли настроение непонятным образом вдруг улучшилось. Ну зачем, в самом деле, забивать себе голову какими-то глупостями, а главное, загружать ими постороннего, ни в чем не повинного человека?

– Не выдумывайте, – сказала Анна твердо. – Несите свои вещи, довезем вас. Нам же по пути, ну какие могут быть проблемы? Вас как зовут?

– Марина Володина.

– Вот и отлично. Меня – Анна, мужа – Петр Федорович. Возвращайтесь, Марина.

Уже совсем скоро, уже через час, она подумает: не иначе, господь бог наставил ее взять с собой эту девушку!

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

Манихин аккуратно свернул газету, разгладив на сгибах, и неторопливо положил ее сверху на стопку уже прочитанных. Посмотрел, как они лежат, одна к одной, и слегка усмехнулся. Уже не в первый раз он подмечал за собой эту новую аккуратность, размеренность, неторопливость движений. Вернее, рассчитанную медлительность. Раньше кое-как свернул бы эту газетку, сунул куда попало, схватил бы другую, просмотрел бегло заголовки, пробежал взглядом по строчкам, выхватывая смысл статьи, отбросил, не прочитав и половины... Теперь все иначе. Теперь он читает все, от буквы до буквы, чуть ли не от названия газеты до адреса редакции, неторопливо рассматривает фотографии, потом складывает газетку вот так аккуратно, истово, можно сказать... Себя занять особо нечем, вот и тянет время по мелочам, превращая в событие всякую ерунду. Телевизор смотреть он не любит, мельканье цветowych пятен в последнее время стало раздражать, особенно когда ящик начинает искажать оттенки и лица людей кажутся неестественными, словно бы изуродованными жуткими болезнями. Достаточно с него собственного лица!

Манихин по привычке поднял глаза на стену. Там, между двумя книжными шкафами, хорошо смотрелась бы его любимая чеканка: очень красивый рыцарь поражает очень страшного дракона. Ярко-золотистые тела человека, коня и чудовища сверкали на темном, аспидно-фиолетовом фоне. Ему вообще нравилась чеканка, в старом доме было не меньше десятка авторских работ, купленных в разное время. Теперь не осталось ни одной. Убраны также все зеркала, которых раньше тоже было немало. Осталось только зеркало в ванной, которой пользуется жена, да встроенное в ее платяной шкаф. Конечно, есть зеркало и в комнате Марины, но оно то ли шторкой завешено, то ли еще как-то замаскировано, Манихин его ни разу не видел.

Зеркала исчезли, чтобы он не увидел, пусть и случайно, своего отражения. Даже бреет его теперь Серега, а когда его нет, или Анна, или Марина, так что и при таком деликатном деле ему зеркало без надобности.

Чеканка убрана потому, что темно-бронзовый цвет фона очень схож по цвету с его новым лицом. Когда Манихин злится или раздражается – а он почти всегда находится в состоянии нервного возбуждения, и это вполне объяснимо, – когда подсакивает давление и кровь ударяет в голову, тогда лицо его становится вообще фиолетово-аспидного цвета. Конечно, теперь давление скачет гораздо реже. Из гипертоника он постепенно превращается в гипотоника – таково следствие прогрессирующей анемии, свойственной его загадочной болезни. Как говорится, нет худа без добра!

За окном что-то сердито закричал Серега. Он в саду, не во дворе, который выходит на улицу. Неужели соседские мальчишки опять швыряют камни через забор? Раньше все пытались пробраться в теплицы или к грядкам с клубникой, а когда поверх забора натянули проволоку, начали швырять камешки. Просто так, из вредности. Пробили на днях стеклянную крышу теплицы, Серега изругался весь, пока застеклил ее заново... Идиоты малолетние, не понимают, что Манихин не ягоды жалеет. Больше всего на свете он боится столкнуться с кем-нибудь лицом к лицу! Интересно, гуляют уже слухи по поселку или нет? Хотя он стережется, не выходит из дому днем, только в сад, скрытый высоченным забором, а все же вдруг его кто-то видел? Тогда вполне возможно, что мальчишки швыряются камнями не из мести, а просто из необъяснимой детской жестокости. Хотя почему только детской? Взрослые тоже жестоки, куда более жестоки, чем дети, уж кто-кто, а Манихин мог в этом убедиться, и не раз!

Опять послышался крик Сереги. Ого, как разъярился! Да что там такое?

Манихин встал, вышел на галерею, опоясывающую дом. Встал близко к стене, чтобы лицо оставалось в тени навеса. Этим навесом галерею прикрыли всего лишь месяц назад, когда он убедился, что теперь его лицо легче спрятать, чем вернуть ему прежний вид.

Огляделся – и сразу заметил яростное мельтешение смородиновых веток – вверх-вниз, вверх-вниз! Такое впечатление, будто за ними кто-то играл в прятки, ретиво выбирая себе местечко. А еще вернее – дрался!

С крыльца, забыв о ступеньках, соскочила Марина, пролетела, как всегда, легко выворачивая ступни носками наружу, к смородине, вбежала в высокие кусты – и тотчас вывалилась оттуда, плюхнулась на землю и села – по всему видно, не столько ушибленная, сколько ошарашенная. Что-то закричала, Манихин не разобрал, замахала кулаками. Смородиновые кусты по-прежнему ходили ходуном. Марина только начала подниматься, как оттуда вылетел еще один человек, плюхнулся прямо на нее, повергнув ее плашмя и при этом умудрившись проехаться физиономией по газону.

Манихин азартно наблюдал, как парень пытается встать, но ему мешает визжащая Марина. Они снова и снова сбивают друг друга с ног. Куча мала, да и только.

Да ведь это Сереге так не повезло, наконец-то узнал Манихин своего водителя, охранника и, как в старину говорили, камердинера. Или, наоборот, повезло? Надо думать, Серега воспользуется удобным положением сверху и не преминет хоть немножко потискать недотрогу, к которой уже второй год клинья бьет, а она пренебрежительно зовет его «братишкой» (они оба Николаевичи) и объясняет, что испытывает к нему исключительно родственные чувства, а это все равно, что никакие.

Он услышал странные звуки и не сразу сообразил, что это смех.

Его собственный смех.

Он смеется. Смеется!

Давненько такого не бывало, немудрено, что отвык от этого звука. Сам отвык и других смеяться отучил...

Вдруг Манихин сообразил, что, увлекшись кувырканиями в траве, он совершенно забыл о той толчковой силе, которая вышвырнула из смородины сперва Марину, потом Серегу. И тут же увидел ее, эту силу, – вернее, его, потому что это был длинноногий парень в джинсах и синей футболке, который мчался напрямик через клумбы, непроизвольно перескакивая через них и каким-то образом умудряясь не помять ни одного цветка.

Манихин смотрел сверху на его русую макушку – волосы были пышные, чуть выющиеся – и чувствовал себя таким растерянным, каким не был уже давно.

Кто такой? Вор? Грабитель? Убийца?

Эта мысль вовсе не показалась невероятной! Тот, кто отравил его, устал ждать результата и решил перейти к конкретным действиям? И что это будет? Выстрел? Удар ножом? Вроде бы в руках у парня ничего нет...

Или это просто корреспондент какой-нибудь желтой газетенки? Прослышал про затворника из Зеленого Города, ну и... а может быть, те двое со «Скорой» проболтались?!

В эту минуту незнакомец вбежал в дом.

Манихин вернулся в кабинет. Дверь распахнулась – он еще успел удивиться, что парень в одно мгновение взлетел на третий этаж, словно бы прошел перекрытия своим стремительным телом, – но на пороге стояла Анна, испуганная до меловой бледности:

– Петя, там чужой...

– Петр Федорович! – закричала снизу Марина. – В доме чужой! Слышите?

Предупреждение запоздало – дверь снова распахнулась, и теперь в комнату ворвался парень в синей майке.

Волна ярости, исходившая от него, с такой силой ударила Манихина, что он даже покачнулся, но тут же вернул ему эту волну, усилив ее многократно собственным гневом: «Ты ворвался в мою жизнь? Тебя привело любопытство? Досужий интерес к чужому горю? Так получи в ответ мою ненависть к твоей жестокости. К твоей безжалостности!...»

Парень остановился, набычился, потом принялся шарить по карманам, не сводя с Манихина остановившегося взгляда. Выхватил какие-то скомканные зеленые бумажки, швырнул в лицо Манихину – и вдруг качнулся, нелепо взмахнул руками, начал заваливаться назад. Лицо его помертвело, глаза закрылись.

Анна вскрикнула, прижала ко рту руки, и Манихин увидел, что Серега пытается удержать падающее тело незваного гостя.

Его аж замутило от ужаса!

– Что ты... что ты с ним сделал?

– Ничего, – осторожно опуская незнакомца на пол, задыхаясь, выговорил Серега. – Я дурак, забыл шокер в холле, с собой в сад не взял, не то он бы сюда только через мой труп!..

Серега любил сильные выражения, вообще любил страшить людей. На свежего человека его угрозы даже могли произвести впечатление, но Манихин к ним уже привык, разве что использовал Серегино хобби в своих корыстных целях... Не далее как вчера совершил такую вот очередную глупость!

– Оставь свой труп в покое, – сказал он, с трудом унимая нервическую тошноту. – Что теперь с *этим* делать? И кто он, ты имеешь представление? Зачем он здесь?

В это мгновение в комнату вбежала Марина – и точно так же схватила за щеки, остолбенела, как Анна. Манихин каким-то боком сознания в очередной раз удивился, что эти две женщины иной раз ведут себя как сестры-близнецы, даром что непохожи, как ночь и день.

– Да это же тот лепила, – выпалил Серега, который иногда, в минуты крайних потрясений, переходил на полузабытый язык своего боевого прошлого. Но тут же перехватил взгляд Манихина и спохватился: – Извините, Петр Федорович, я хочу сказать, тот парень со «Скорой», который вас привез домой прошлой ночью и к которому...

– Понял, – прервал Манихин. Ему вовсе не улыбалось, чтобы жена и Марина узнали о том, как он посылал Серегу провести «акцию устрашения». – Что это он тут разбросал?

Марина подняла скомканные зелененькие бумажки, расправила. Это были доллары – четыре сотенные.

– Ишь ты, – хмыкнул Серега, легонько подталкивая носком кроссовки лежащую на полу русую голову. – Две ночью получил, две я ему потом передал. Наверняка показалось мало, явился потребовать еще.

– Не может быть, – горячо сказала Марина, да и Анна покачала головой, но Манихин склонен был встать на точку зрения Сереги. В самом деле – иначе зачем врываться сюда этому полунцищему доктору, как не для того, чтобы шантажом вытребовать еще денег? Ну не затем же, чтобы их вернуть! В такую бредятину Манихин с его знанием жизни, его опытом, вообще с его проникательностью поверить нипочем не мог.

Он подошел к шкафу, выдвинул секретный ящичек. Особо, впрочем, не прятался – домашние про этот секрет прекрасно знали. Манихин им доверял как себе, больше чем себе: они были одна семья, если уж он не скрывал от них жуткую тайну своего лица, то не станет прятать и деньги. А единственный в этой компании чужой человек лежал сейчас без сознания.

Манихин отсчитал двадцать зеленых полусотенных бумажек, добавил к ним четыре, поднятые с полу Серегой, аккуратно вложил в карман джинсов лежавшего. Заодно обшарил их. Один карман был пустой, в другом – носовой платок, в заднем лежало водительское удостоверение на имя Александра Даниловича Меншикова.

Вот, значит, как его зовут... Серега знал, но не сказал. Сам-то он в «Скорой помощи» выпросил имя и адрес врача, дежурившего ночью, ну а хозяину не сказал. Подумал, наверное, зачем ему голову всяким мусором забивать? И в самом деле – вовек бы Манихину не знать этого Александра Даниловича!.. Но все-таки забавно – в самом деле забавно. Родители у парня, видимо, были не без юмора, если назвали его в точности как знаменитого Алексашку, сподвижника Петра Первого. Ну и наглый же парень! Тот Меншиков тоже был дерзец отъяв-

ленный и храбрец: то ли под Полтавой, то ли под Лесной, то ли еще в каких-то петровских баталиях отличался примерно.

В петровских баталиях... Он ведь и сам Петр. А этот – Алексашка. Забавное совпадение!

– И что ты теперь с ним будешь делать, Петя? – спросила Анна глухим, не своим голосом. Манихин оглянулся – жена была странно бледна.

Удивительно – он сразу понял, о чем она подумала при виде безжизненно распростертого на полу тела... Ничего, парень жив, только на время парализован ударом электрического тока. А так-то вполне живой, видно, что дышит!

– Неси его в машину и отвези на пруд, – приказал Манихин Сереге, вкладывая удостоверение Меншикова в тот же карман, где оно лежало раньше. – Положи там на бережку да последи, чтобы не обобрали прохожие-проезжие, пока он не придет в себя. Чтoб карманы не обчистили, присмотри. Минут двадцать-тридцать у тебя еще есть? Какое время удар шока действует?

Серега пожал плечами:

– Да я его в деле никогда не пробовал, разве что бульдожку наглого разок вдарил, так ведь то собака, а не человек, там габариты совсем другие.

– От четверти часа до тридцати минут, – подсказала Марина тем холодноватым, презрительным, фарфоровым голосом, каким она всегда разговаривала с Серегой. – Так в инструкции написано.

Намек был более чем прозрачен: Серега, прежде чем стучать по телевизору кулаком, злясь, что не работает, проверь, включена ли вилка в розетку.

– Ну, будем исходить из худшего, – сказал Манихин. – Как минимум пять минут мы тут лясы точим, так что давай больше времени не будем терять, ладно?

Серега кивнул и, побряхывая, принялся поднимать бесчувственное, а оттого особенно тяжелое тело и вваливать его себе на плечи. Никто не шелохнулся ему помочь. Во-первых, Серега не зря смотрелся «качком», он и был «качок» – из тех, что в старину шли в ломовые извозчики и лошадь шутя поднимали. Оставалось удивляться, как это там, в смородиновых кустах, незванный гость умудрился надавать ему. Наверняка взял на хитрый прием!

А еще Сереге не помогали потому, что помощников среди присутствующих не нашлось. Манихину настрого запретили поднимать тяжести, так не женщинам ведь соучаствовать. Не женское это дело! Хотя в тот раз в гараже Марина показала себя не просто сильной, а очень сильной... Да и раньше Анна говорила, что она практически одна втащила его в машину – тогда, прошлым летом, на пути из Нижнего в Зеленый Город.

Манихин понурился, уже в который раз ощутив бессильную злобу вместо благодарности к Марине. Она не должна была переходить дорогу судьбе, не должна была! Может быть, это ему было даровано избавление, спасение – еще до того, как нагрянула беда, до того, как он стал монстром, чудовищем, ночным пугалом. Но Марина вошла во вкус – быть спасительницей его жизни... Сейчас-то Манихин совершенно определенно знал, что и в историю с его отравлением она замешалась зря. Что бы там ни твердила Анна, называющая Марину богом посланной спасительницей, эта молодая женщина стала тем камнем преткновения, о который теперь беспрестанно запинается его смерть. С позиций нормальной человеческой логики, Манихин должен быть ей благодарен. С позиций своих прогрессирующих страданий, он иногда чувствовал, что ненавидит ее за то же, за что должен благодарить.

А Серега между тем чудненько управился с безучастным ко всему Александром Даниловичем Меншиковым и потащил его из кабинета. Слышно было, как тяжело отдаются по ступенькам Серегины шаги, как скребут по полу ноги Меншикова.

– Я поеду с ним, – вдруг сказала Марина и выбежала из кабинета прежде, чем ее кто-то успел остановить.

Манихин бессильно покачал головой. Анна подошла к окну, откуда, Манихин знал, можно было увидеть окрестности и тот самый пресловутый пруд. Но во-первых, Серега доберется туда в самом лучшем случае через десять минут, ну, через семь – пока выведет машину из гаража, пока погрузит парня, пока доедет и выгрузит. Во-вторых, без бинокля толком ничего не разглядишь.

Манихин раздраженно отвернулся от окна и пошел было к шкафу, где держал бинокль, как вдруг увидел на полу смятый листок. Поднял, развернул. Угловатым девичьим почерком на нем было написано: «Нина, 62-08-80». Наверное, эта бумажка выпала из кармана Меншикова. Ну и ладно, ну и бог с ней. Манихин опять скомкал записку и бросил в мусорную корзинку.

ИЮНЬ 1980 ГОДА, ЗАМАНИХА

– Ищите женщину? – сказал следователь прокуратуры Кашин оперативнику Бушуеву после того, как были собраны шпильки и пуговицы, щедро рассыпавшиеся по полу сберкассы. – Шурши ля фам?

Бушуеву сдавалось, что знаменитое французское выражение звучало несколько иначе, однако, как именно, он точно не знал, поэтому на всякий случай уклончиво пожал плечами. Опять же было полное впечатление, что Кашин просто издевается. Когда он смотрел вот таким отрешенным, рассеянным взором, человек понимающий сразу мог смекнуть, что мысли его идут вразрез со словами.

– Так что шурши, Бушуев, шурши, работа у тебя такая...

– Антон, ты на самом деле думаешь, что какая-то бабенка охранника уложила? – спросил Бушуев.

– А ты так не думаешь? – искоса глянул на него следователь Антон Кашин, такой же молодой, как оперативник Бушуев, двадцатисемилетний рыжий и веснушчатый парень, который никогда, даже в случае серьезного дела, не мог принять важный и ответственный вид. Иронией – порою довольно злой – так и сочилось каждое его слово.

– Нет.

– Почему, позволь спросить? – Кашин посторонился, освобождая место двум милиционерам, которые выносили из сберкассы мертвое, с пробитой головой тело Николая Лукьянова, павшего нынче ночью на боевом посту от рук неизвестного злоумышленника.

Бушуев посмотрел вслед покрытому простыней телу, потом обернулся к белому очерку на полу, обозначавшему место, где лежал труп, и нахмурился, пытаясь справиться с волнением, которое почему-то всегда охватывало его, когда он видел такой вот белый меловой очерк. Как будто последний земной след убитого! Как будто этот очерк, а не тело еще оставался обиталищем его души! Расшаркают мел ногами, затопчут, и тогда душа покойного окончательно простится с местом своим земных мук. Именно тогда, а вовсе не на сороковой день, как принято считать...

– Иван, отомри, – невесело ухмыльнулся Кашин.

Бушуев кивнул, пытаясь сосредоточиться.

– О чем ты спросил? Ах да, почему не верю, что здесь замешана женщина... Если судить по этим пуговкам-шпилечкам, она из всех сил отбивалась от Лукьянова, который ее крепко зажал. Когда мужик бабу зажимает, она либо на полу валяется, либо в углу трепыхается. И он вряд ли в этот ответственный момент станет к ней спиной поворачиваться. А удары, хочешь ты или не хочешь, нанесены сзади.

– Представь себе, что он с ней совладал-таки, а потом повернулся спиной с чувством исполненного долга, – возразил Кашин. – Тогда наша красотка вскакивает с полу, хватает лежащий тут же, в углу, молоток, с помощью которого Лукьянов в свободное от наблюдения за охраняемым объектом и насилия над случайными посетительницами время чинил старье, называемое в сберкассе стульями...

– Суровая дама, – сказал Бушуев, поморщившись, потому что в данный момент перед его глазами имели место быть следы появления этой суровости: три яруса кровавых брызг, разлетевшихся по стенам. – Я бы даже сказал, свирепая.

– Вот именно. Состояние аффекта, ярость, мстительность добавили ей силы. Ты затылок Лукьянова видел?

– А то...

– Стало быть, за поруганную честь она отомстила. Но сочла, что нанесенный ей урон требует возмещения не столько морального – ну, если можно считать окровавленный труп фак-

тором моральным! – но и материального. А именно – восьмидесяти тысяч рублей в банковской упаковке. Она ринулась к столу кассирши – как ее там, Самохиной, что ли? – отыскала под газеткой ключик, вскрыла сейф, взяла крупные купюры, упакованные в пачки, небрежно отбросив готовые к выдаче рублевики на сумму триста рублей – широкая натура, да? – облюбованные пачки сложила в подол и растаяла в ночи...

– Сначала она умудрилась перетащить труп Лукьянова в кладовку, – подсказал Бушуев, который, в отличие от приятеля, ерничества не любил, от накручивания заведомо провальной версии никак не возбуждался и сейчас от кашинского словоблудия чрезвычайно устал.

Конечно, эксперты еще работают... Но он готов спорить на что угодно: во-первых, на теле Лукьянова не обнаружат никаких следов интимных сношений, так что домыслы о мести за поруганную женскую честь оставались для него лишь досужими домыслами и сотрясением воздуха. Точно так же Бушуев мог поручиться: никаких чужих отпечатков на сейфе и столе кассирши Татьяны Андреевны Самохиной обнаружено не будет. То есть предполагаемая жертва изнасилования явилась на свидание к Лукьянову в перчатках. Ну не палки ли елки? И, аккуратная такая, позаботившись о том, чтобы не оставить отпечатков, позабыла собрать шпильки и пуговицы, щедро осыпавшиеся на пол...

– Ну что, будем насчет неведомой фигурантки² женского пола шуршать или как? – лениво спросил Кашин.

– Не будем, – качнул головой Бушуев.

– Все-таки не веришь в ее наличие?

– Да ты и сам не веришь.

– Точно. Либо она приходила в кассу не одна. Послужила приманкой, а когда Лукьянов начал ее ломать, на сцену и выступил настоящий фигурант: мужчина не слабый...

– А я думаю, что если они позаботились труп в кладовочку потом оттащить, подальше с глаз тех, кто первыми в кассу утром придет, то уж как-нибудь могли позаботиться и пуговицы со шпильками с полу собрать, – гнул свое Бушуев. – Чтобы подозрение к себе не привлекать. А так... явно же, что нарочно все это раскидали, чтобы следствие с толку сбить. Но, по-моему, изрядно пересолили эту стряпню. До того, что в рот не взять!

– Слушай, а как насчет склонности к дамскому полу у этого Лукьянова дело обстояло? – полюбопытствовал Кашин. – Я здешних мало знаю, это ведь ты с ними запанибрата, подноготную каждого-всякого ведаешь.

– Насчет каждого-всякого не скажу, а вот Лукьянова вообразить в качестве бабника мне очень даже затруднительно, – угрюмо хмыкнул Бушуев. – Он женат был, двух дочек своих любил без памяти, тем паче что одна болела очень сильно, он ее жалел прямо не знаю как...

– Ну, насчет дочек ничего не скажу, а вот жена явно не стена, – пробормотал Кашин, что вызвало наконец на лице оперативника Бушуева проблеск усмешки.

Дело в том, что его приятель, прокурорский следователь Антон Кашин, буквально месяц тому назад женился на какой-то серой мышке, молоденькой докторше, приехавшей в районную поликлинику по распределению, и после этого бывший мартовский котяра заделался вдруг таким подкаблучником, что бывшие его собутыльники и соратники по блядкам только руками разводили. Если бы молодая услышала о том, что она не стена, пожалуй, Антону солоно бы пришлось!

– Да не в этом дело, а в характере, – пояснил Бушуев. – Как говорится, с кем не бывает, но в том-то и дело, что с Лукьянычем этого сроду не случалось. Все знали, что он к своей Катерине бежит как заколдованный, даже когда они ссорились на всю деревню, как вчера. Но если все же предположить, что у него ум за разум зашел, я совершенно не понимаю, из-за

---

² Фигурант т, фигурантка – обычное в уголовном розыске название для неизвестного преступника.

кого. Нету в Заманихе такой женщины, чтобы ее Лукьянов мог затащить к себе на охраняемый объект и там попытаться изнасиловать. Ну просто нету!

– Отчего ж нету? – задумчиво повел бровью Кашин. – А эта, как ее, уборщица... роковая такая брюнетка? Вроде бы у нее косища невиданная... И вроде бы она носила ее заколотой на затылке шпильками, или мне память изменяет? Из-за такой красоты любой, самый верный муж запросто может с пути сбиться, разве нет?

Бушуев исподлобья глянул на приятеля и боевого соратника. Анята не могла не произвести впечатления даже на новобрачного подкаблучника Кашина. Ишь ты, делает вид, что не может вспомнить ее имени. А у самого глаз горит совершенно по-старому, совершенно как до свадьбы!

– Уборщица Анна Калинина, если ты имеешь в виду именно ее, уехала на сессию во Владимир, – проинформировал Бушуев. – И еще не возвращалась.

Сказал – и стиснул зубы так, что желваки заходили по щекам. Насчет Аняты он уже слышал... дважды слышал. На тему, что город Владимир не столь далеко, не за тридевять земель, вполне можно вечером незаметно появиться в родном селе, а потом – словечко *потом* было выделено особенным подленьким образом – успеть слинять обратно во Владимир. И быть уверенной, что алиби тебе вполне обеспечено. А вот если болезную Анятину тетку, у которой девушка остановилась, по-умному прижать, она вполне сможет расколоться и выболтать, была Анята дома прошлой ночью ли нет. Спала в своей постели или играла в жизни бедолаги Коли Лукьянова самую что ни на есть роковую и смертельную роль.

Причем это предположение Бушуев слышал от людей, которым отлично известно было, во-первых, что покойный Лукьяныч в самом деле был образцовый муж и отец, а во-вторых, что эта самая Анята Калинина – для оперативника Бушуева не совсем, как бы это поточнее выразиться, посторонний человек. Конечно, не стоит видеть в этих измышлениях злобы человеческой: эти советчики-подсказчики искренне хотели навести следствие на верный путь. Ведь и в самом деле – если кто-то из заманихинских женщин способен заставить мужика голову потерять, вплоть до того, что он на должностное преступление пойдет, так лишь только она, Анятка... Причем все в Заманихе, а то и в районе прекрасно знали, в какой непростой узел завязались отношения между черноволосой и черноглазой красоткой Анятой, оперативником Бушуевым и бывшим шофером милиции, а ныне турбазы Петром Манихиным. И, называя Аняту в качестве той женщины, из-за которой погиб бедолага Лукьяныч, они как бы намекали: а ведь его убийцей мог стать кто-то из тех двоих мужчин, которые люто соперничали из-за Аняты и друг с другом, и с каждым, кто готов был к ней хоть шаг шагнуть!

И про себя Бушуев совершенно точно знал: Лукьянова не убивал, сберкассу не грабил. А всякому, кто в этом усомнился бы, мог предъявить алиби: всю ночь ограбления он провел на выезде в Колодяжной Норе (так называлась деревня в десяти верстах от Заманихи). Там горела школа-интернат, и на ЧП были согнаны не только пожарные части и «Скорые» аж из райцентра, но и оперативная дежурная бригада милиции. То есть Бушуев был чист, аки агнец. Аняты, на счастье, тоже не было в Заманихе. Что касается Петра Манихина...

Что касается Петра Манихина, то оперативник Бушуев отдал бы десять лет жизни, лишь бы этот фрукт оказался замешан в ограблении! А по зрелом размышлении и пятнадцать отдал бы.

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

Александр открыл глаза и тотчас опять зажмурился – так ударило светом. В памяти возник образ ярких ламп, горящих над операционным столом, и его обдало враз жаром и холодом: «Как? Почему я здесь? Попал в аварию? Когда?» В то же мгновение почему-то остро запахло смородиновым листом, и этот запах-воспоминание вернул память о случившемся: вот он дерется с Серегой, настигшим его под прикрытием этой самой смородины, вот подбегает еще кто-то, какая-то женщина, Александр ее и не разглядел, потому что она набежала сзади, но, наверное, пнул довольно сильно, так как она отлетела в сторону и уж больше не приставала; вот он отшвырнул и Серегу и ворвался наконец в дом, вот оказался лицом к лицу с бронзовой маской... и в этот миг его настигло осознание дикости и бесконечной детской глупости своего поступка.

Порыв неопишуемой ярости, который понес его вслед за поганцем Серегой, явившимся со своими пошлыми угрозами, и пригнал его сюда. Александр не пожалел даже денег на такси до Зеленого Города, лишь бы поскорее дать выход своей ярости! Этот порыв помог справиться с неслабой защитой Серегу и прорваться-таки в дом, но там иссяк так же внезапно, как вспыхнул. То есть оскорбленное достоинство продолжало будоражить кровь, но теперь Александр понимал, что поступать надо было иначе. На утонченное оскорбление нужно было ответить столь же утонченным оскорблением, а вовсе не этой базарной выходкой. И он даже почувствовал, что в какой-то степени понимает человека, стоявшего сейчас напротив него и глядевшего странными синими глазами – слишком, небывало синими, особенно в сочетании с бронзово-лиловым отливом кожи. Не то призрак, не то инопланетянин... Еще неизвестно, как бы он сам, Александр Меншиков, вел себя с людьми, заклеями его жизнь таким лицом.

И это было его последней сознательной мыслью. Потому что вслед за тем он ощутил укол в спину, ощутил, как содрогнулось все его тело, словно тысячи недобрых рук вцепились в каждый нерв и принялись дергать и теребить их. Это была даже не боль, это было некое вселенское потрясение... а потом все исчезло – чтобы вернуться только сейчас: ударом света по глазам.

Он чувствовал себя совершенно обессиленным, беспомощным, как дитя. Противная дрожь в похолодевших руках и ногах, голова пустая... Типичные ощущения после поражения током, потому что, конечно же, свалил его с ног не вульгарный удар по макушке и не «романтический» выстрел в спину, а прикосновение электрошокера. Это содрогание нервных окончаний, которое испытал Александр, прежде чем кануть в беспамятство, – его ни с чем невозможно спутать.

Он приподнялся на локте, огляделся. Или люди, получившие удар шокера, обретают способность в бессознательном состоянии перемещаться в пространстве, или кто-то унес его из дома «бронзовой маски» и свалил в этом тихом местечке на берегу пруда. Неведомому «кому-то» можно только посочувствовать: ведь носить такого громилу – удовольствие маленькое... Скорее всего, его донесли до машины, может, до того самого «Крузизера», который Александр видел ночью, – а уж потом увезли сюда. Да какая разница, впрочем? Теперь надо сообразить, где он находится, все еще в Зеленом Городе или вообще бог весть где.

Ну, для начала надо бы все-таки встать. Он кое-как переместился из положения полулежачего в положение полусидя, а потом и на четвереньки. Подниматься на ноги пока не рисковал... полное впечатление, что вот-вот ветром сдует!

На лбу выступил пот. Забавно: самого колотит ознобом, а в то же время вспотел. Это от слабости, понятное дело. Александр встал на колени. Где-то был носовой платок, в каком-то кармане...

Стоп! А это что такое?!

Наверное, от удара током у него начало множиться в глазах. В данном случае размножились доллары. Было четыре сотенные бумажки, стало... Александр, не веря глазам, ощупывал каждую, рассматривал, снова и снова пересчитывал: было четыре сотенных, они на месте, но к ним прибавились двадцать пятидесятидолларовых купюр.

Александр стоял на коленях и тупо перебирал деньги, вспоминая люто блеснувшие ему навстречу неестественно-голубые глаза. И постепенно складывалась картина случившегося: доллары, конечно, не сами размножились – их сунул ему в карман этот, «бронзовая маска». В качестве компенсации за удар шокером – и в качестве оплаты молчания. Господи, или он не понимает, что, окажись на месте Александра другой человек, тот же Витек, шофер, его запросто можно было такими методами подвигнуть на самый вульгарный шантаж! Заставить «бронзовую маску» размножать свои баксы в геометрической прогрессии! Вроде бы человек не первой молодости, поживший уже, должен был чему-то научиться. А ведет себя как идиот.

Осторожно, чтобы не завалиться на бок, Александр повернулся и посмотрел налево, где возвышался трехэтажный, окруженный высоким забором дом. Поверху ограды шла колючая проволока – даже отсюда видно, как поблескивает она на солнце. Что характерно, ринувшись вслед за Серегой на штурм этой цитадели, Александр прихватил старую куртку, чтобы набросить на проволоку и форсировать таким образом забор. С курткой теперь можно проститься, факт.

Где-то там, за широкими окнами, наверняка стоит «бронзовая маска» и смотрит на поверженного докторишку, который копошится на берегу, перебирая деньги и глупо озираясь.

Даже злиться на этого больного сил нет. То есть их вообще просто нет, сил-то: Александр еще не вполне пришел в себя. И смех разбирает – какой-то кретинский смех. Да, уж Витек бы сейчас с этими долларами развернулся, расправился бы, обошелся бы с ними как надо! Чесанул бы в кусты – только его и видели, не дал бы полюбоваться своей растерянностью.

Полюбоваться? Ну, если «бронзовая маска» и впрямь стоит за каким-то из этих окон, пусть на здоровье любителю тем, что сейчас сделает «поверженный докторишка»!

Хотя нет, это не дело. Трава зеленая и бумажки зеленые. Надо перебраться вот сюда, на полоску желто-серого песка... И Александр пополз на коленях по берегу, раскладывая бумажки ровной цепочкой и придавливая их камушками, которые нащупывал в песке.

Красиво! Этакое бежево-зеленоватое абстрактное полотно в стиле кого-нибудь там... И сюжет вполне сюрреалистический. Деньги на песке...

Сюрреалистический сюжет был уже вполне завершен, когда чуть поодаль, в кустах, обступивших берег пруда, раздалось странное переливчатое завывание. В голове Александра, все еще слегка затуманенной вольтами, которые ему пришлось «принять на грудь», спонтанно возник образ родимой «Скорой помощи» с надписью «Интенсивная терапия» над ветровым стеклом. Потребовалось несколько секунд, прежде чем до него дошло, что это совсем рядом звонит сотовый телефон. Еще несколько секунд понадобилось, чтобы сообразить: сотовый не просто так в воздухе болтается или на земле валяется, а лежит в чем-то кармане. И обладатель этого кармана находится совсем близко.

Кто он? «Бронзовая маска»? То есть он не из своего дома разглядывает дерзкого типа, а из-за кустов подсматривает за его барахтаньем в песке?

Вспышка ярости добавила адреналина в кровь, помогла окрепнуть мышцам. Александр довольно резво вскочил с колен и побежал к кустам. Правда, довольно трудно было назвать в полном смысле слова бегом его передвижение на еще неверных ногах, но добежал он до кустов довольно быстро – и столкнулся лицом к лицу с человеком, прижавшим к уху сотовый телефон.

И невольно отпрянул – это был не «бронзовая маска», а Серега.

– Опять ты! – воскликнул Александр, стиснув кулаки. – Что, еще баксов привез? Давай выкладывай, на песке места много!

Сергея глянул на него с ненавистью, но и шагу вперед не сделал. Только выставил вперед свободную руку, останавливая порыв Александра, и сказал:

– погоди. Тебя велено... – И тут же поправился, заметив вспышку ярости в его глазах: – Петр Федорович просит тебя приехать. И еще... это... – Видно было, что слово нейдет с его уст: – Он извиняется. Он просит тебя... помочь ему. Спасти его.

МАЙ 2000 ГОДА, НИЖНИЙ НОВГОРОД

Багаж у Марины и в самом деле оказался не маленький: синтетический мешок из-под сахара, наполненный каким-то не то порошком, не то мукой, не то сахаром, огромная сумка с какими-то брелочками предметами, другая сумка, набитая книгами, третья – мягкая, очевидно, с одеждой... Особенно тяжелым оказался мешок.

– Там глина, – с виноватой улыбкой пояснила Марина, когда Петр с видимым усилием взгромоздил мешок в багажник. – Очень хорошая каолиновая глина, которая идет на производство фарфора и фаянса. В порошке, понятное дело. Я ее развожу до нужной густоты и добавляю в нашу, из Дивеева, – получается отличный цвет, практически белый. Хорошо смотрится.

– Вы глину из Москвы везли? – ужаснулась Анна.

– Что вы, я с утра пораньше, сразу с московского поезда, успела на «Керамэл» при заводе «Орбита» посмотреть, там иногда продают глину таким, как я, любителям, правда, только огромными мешками. Ладно, зато подольше хватит. Многие вообще пользуются одной этой глиной, а я люблю ее в другие породы добавлять. Я вообще люблю экспериментировать с материалами. Это ведь только кажется просто – взял глину, слепил. На самом деле тут такие тонкости есть... Скажем, в Китае мастера готовили глину по четверти века. Дед закладывал влажную фарфоровую массу в нарочно для этого вырытую яму, где она лежала годков двадцать пять. Тут уж он раскапывал эту яму, но не прежде, чем со своим внуком заложит новую. Наши русские гончары тоже имели такие глинные ямы, обшитые бревнами, – глинные. Минимум три месяца дозревала в них глина, а то и несколько лет.

– Но ее ведь надо потом обжигать, я так понимаю? – спросила Анна. – У вас есть особая печь?

– Ну да, муфельная. Хотя можно и в обыкновенной обжигать. Но в обычной печи трудно регулировать силу огня, можно запросто загубить изделие. Я раньше газовой духовкой пользовалась для мелкой пластики: фигурок типа дымковских, сувенирчиков каких-то, бусин крупных. Лучше всего обжигать в консервной банке, там хоть какой-то температурный баланс соблюдается. Но гончарные горны – вот самая лучшая штука! Если обживусь в Зеленом Городе, построю себе такой.

– Как постройте?

– Да очень обыкновенно. Из глины, кирпичей или гранитных камней и решеток-колошников.

– Но это же трудно?! – недоверчиво воскликнула Анна.

– Совершенно нетрудно. Правда, сохнуть горн будет долго, недели две, а если погода влажная, еще дольше. А строить его, конечно, хлопотно, кропотливое это дело, но не трудное, мне уже приходилось этим заниматься. Муфельная печь удобна, ничего не скажешь, но она какая-то бездушная, что ли. А ведь гончарное ремесло – это как раз ремесло прежде всего обжига. Горн – печь, это вы знаете, как словесник. В старину говорили не «гончар», а «горнчар», но потом первое «р» редуцировалось для удобства произношения.

– Что-то я такое слышала, а может, и нет, – не очень уверенно отозвалась Анна. – Даром что словесник, а знаю далеко не все. Кстати, точного значения слова «керамика» не знаю. Это просто обожженные гончарные изделия или они должны быть глазурованными, чтобы так называться?

– «Керамос» по-гречески – глина. Всякие глиняные изделия, обожженные или нет, – это керамика. Неглазурованные поделки профессионалы называют черепок.

– Довольно непочтительно, – усмехнулась Анна. Она сидела уже вполборота к Марине: интересно все-таки слушать эту фанатку гончарного ремесла!

– Зато точно. В том смысле, что необожженная поделка хрупкая, в любой момент рассыпаться может и обратиться в черепки. А вот обожженные изделия стоят по тысяче лет. Глиняные амфоры – постоянные находки археологов. В скифских курганах и в пирамидах в них по сию пору сохраняется зерно. Думаю, Диоген знал, что делал, когда поселился в глиняном сосуде!

– Как – в глиняном?! – изумилась Анна. – Он же вроде в бочке жил!

– Ну, это весьма вольное толкование исторической правды! – покачала головой Марина. – Никаких бочек не было в ту пору в Греции, бондарное ремесло рождалось в странах, изобиловавших лесом, а какие уж такие леса в Средиземноморье? И вина, и всяческий сыпучий товар там держали в амфорах, в лучшем случае делали соломенную оплетку.

– Анюта, водички не осталось? – перебил вдруг Петр. – Пиво кончилось, а у меня в горле пересохло.

Анна достала бутылку с остатками «Крем-сода», открыла, подала мужу и снова повернулась к Марине:

– Может быть, я чего-то не понимаю, но ведь занятие керамикой – не самое простое занятие. Оно требует времени, усилий. Вы думаете, отдыхающие успеют что-нибудь толковое сделать за те несколько часов, которые смогут оторвать от своего отдыха?

– Вы не представляете, сколько тайн в этом ремесле, как оно затягивает, – загадочно улыбнулась Марина. – Главное – не занудствовать сразу, обучая основам, а рассказать про всякие маленькие хитрости и тонкости. Ну, к примеру, что почти вся кухонная утварь стодится будущему гончару. Скалкой раскатывают пласти глины, совершенно как тесто, формочками для печенья вырезают самые разные фигурки – их раскрасить и обжечь, – отличные получаются сувенирчики и даже украшения. Пуговицами, шурупами со звездчатыми шляпками, гаечками, болтиками, меленькими шестеренками, незаточенным граненым карандашом можно наносить на керамические изделия узоры. А какая красота получается, если прижать к влажной глине мешковину или марлю! У этих тканей очень интересная текстура. А через сито можно продавить комки мягкой глины, и получаются глиняные «волосы». Их как раз и используют для изображения волос, шерсти животных.

– А вам вообще уже приходилось такие кружки вести? С каких изделий вы обычно начинаете? – спросила Анна, не глядя принимая от мужа опустевшую бутылку и кладя ее под ноги.

Петр закашлялся и потер грудь. Анна хотела спросить, все ли в порядке, но Марина снова заговорила, и она обернулась к девушке.

– Знаете, самая беспроегрышная штука – наповал бьет! – это панно «Рука помощи», – оживленно сказала Марина. – Ком глины раскатывается скалкой в продолговатую лепешку, не очень тонкую, плотную такую, можно прокатать через ткань, чтобы лепешка выглядела аккуратно. Потом надо отпечатать на ней свою левую руку. Шилом проделываются две дырочки, за которые панно повесят на стену. По краю панно украшают звездочками, дырочками, ну, там, не знаю, полосочками, что ли. Все с помощью тех подручных домашних орудий, о которых я вам говорила. Рядом с изображением руки следует написать свое имя и число, когда панно сделано. Кажется, чепуха, безделка, а это амулет. Между прочим, в арабских странах такие амулеты очень популярны. Их вешают на окна и двери для отпугивания злых духов, которых в пустыне великое мно...

Она не договорила – автомобиль внезапно вильнул к обочине и резко остановился. Петр открыл дверцу, склонился наружу, но не удержался на сиденье, вывалился на землю – и Анна услышала, что его жестоко рвет.

Мгновение обе женщины смотрели друг на друга остановившимися глазами, потом схватились за ручки дверей. Анна выскочила первая и обежала автомобиль спереди, хотя, наверное, быстрее добралась бы до мужа, если бы просто передвинулась на сиденье.

Марина, с трудом выкарабкавшись из-под своего имущества, оказалась на обочине почти одновременно с ней.

Петр лежал лицом вниз, тяжело вздымая спину при каждом надрывном вдохе. Женщины перевернули его – лицо серое, губы побелели. Глаза закатились, тело ломали судороги.

Анна хотела окликнуть его, но не смогла – у нее вдруг тоже пресеклось дыхание.

Марина мгновение стояла неподвижно, потом вдруг кинулась вперед, упала на колени, уложила Петра ровно, прижала пальцы к его горлу – ловила пульс. Анна обратила внимание, что лицо у нее совершенно спокойное, деловитое, невозмутимое.

– У него с сердцем как? – спросила она негромко, и звучание ее голоса вместе с выражением лица отрезвили Анну.

– Здоровое. Никогда не жаловался... – выдавила она, заставив наконец себя стронуться с места и опуститься на колени рядом с мужем.

– А давление? Пониженное?

– Наоборот, у него гипер... – Она вдруг забыла самое простое, общеупотребительное слово. – Повышенное давление!

– Зачем же есть так много соленого?! – чуть не вскрикнула Марина, но тотчас снова склонилась над Петром, резко приподняла его, повернула на бок... Его снова начало рвать.

– Господи, да что ж это?! – в отчаянии выкрикнула Анна.

– Пусть рвет, это хорошо, вся гадость выйдет, – бросила Марина. – У вас мобильник есть?

– Что?! А, вы имеете в виду сотовый... Есть, конечно.

– Быстро наберите 03, «Скорую», и дайте телефон мне, – скомандовала Марина, снова переворачивая Петра и без малейшей брезгливости вытирая ему рот платком, который нашла в кармане своего сарафанчика.

Анна сунулась в машину, достала из бардачка сотовый, набрала 03, потом с трудом вспомнила, что это городской телефон, значит, надо сперва нажать 8, потом 22...

– «Скорая», слушаю вас.

Анна быстро протянула телефон Марине.

– Алло? Мужчине плохо на дороге, срочно пришлите машину. Резкое падение давления, упадок сердечной деятельности. Нет, лучше токсикологическую бригаду. Думаю, не сердце, подозреваю отравление селитрой. Мы сейчас на выезде из города, как раз миновали Кузнечиху. Тут почти напротив какое-то придорожное кафе, названия не вижу, мы метрах в пятидесяти от него. Почему уверена насчет селитры? Значит, есть основания! Что? Сколько лет, как зовут? Погодите, я его жене трубку передам. У нас темно-серый «Пежо», да, будем ждать. Хотя нет, лучше давайте мы вашей машине навстречу поедem. Да, пусть гонят через Четвертый микрорайон в Кузнечиху, тут наверняка не потеряемся. Номер... Какой номер машины? – обернулась она к Анне. – Ладно, возьмите трубку, скажите им все, что они хотят знать, я пока попытаюсь его втащить в машину.

Анна в полубеспамятстве пробормотала в трубку имя, фамилию, возраст мужа, номер автомобиля, беспомощно глядя, как Марина вышвыривает на дорогу свой багаж: сумку с вещами, сумку с книгами, баул, освобождая заднее сиденье. Потом девушка схватила Петра под мышки, пытаясь заставить его встать, но голова его запрокинулась – он был без сознания. Тогда Марина потащила его к машине... При всей своей видимой хрупкости она оказалась неожиданно сильной: к тому времени как Анна закончила разговор, Петр уже был с грехом пополам уложен на заднем сиденье, дверцы захлопнуты, Марина сидела за рулем и нетерпеливо махала Анне.

Та, от потрясения двигаясь несобранно, неуклюже, снова обежала автомобиль, плюхнулась на свое место и не успела даже дверцу закрыть, как «Пежо» рванул в сторону, разворачиваясь.

– А ваши вещи?! – беспомощно вскрикнула она, хватаясь за дверцу.

– Да при чем тут вещи! – возмутилась Марина, развернувшись перед носом побитой «Газели», которая испуганно порскнула на обочину и замерла там, не то потеряв управление, не то не решаясь ехать дальше, пока на дороге буйствует темно-серый «Пежо». – Если не оказать помощь в течение часа, ваш муж может умереть!

Анна взялась за горло, откинулась на спинку сиденья, боясь обернуться, посмотреть на Петра, который мотался там, сзади, с серым, полумертвым лицом и закаченными глазами.

– Дверцу свою закройте как следует, – приказала Марина. – Еще не хватало выпасть! И позвоните снова в «Скорую», выехала ли бригада?

Анна тупо взглянула на нее, удивляясь, почему это голос Марины зазвучал тонко, тоныше комариного писка, а лицо вдруг стало стремительно отдаляться.

– Господи, да не время сейчас для обморока! – вскрикнула девушка, одной рукой перехватывая выпавший из ослабевших рук Анны телефон. Наверное, она говорила еще что-то, но Анна уже не слышала.

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

– Вы что же, до меня к другим врачам не обращались? К специалистам? Я ведь врач широкого профиля, а здесь нужен узкий профессионал по теме, вы понимаете? – спросил Александр не без утрюмости – оттого, что чувствовал себя крайне по-дурацки – персонажем какого-то фильма.

Он сидел в мягком кожаном кресле, какие доселе видел только в витринах роскошных мебельных магазинов, в квартирах богатых людей (как известно, богатые тоже плачут, в смысле – болеют, а значит, и вызывают «Скорую помощь») или опять-таки в фильмах. В руке у него имел место быть толстостенный хрустальный бокал, в котором плескался джин «Бифитер» с тоником, а в этой пижонской смеси колыхались кусочки льда. Для полноты банальности на хватало только сигары – причем непременно взятой не из коробки, а из отдельного тубуса! Однако Александр не курил, поэтому обошлось и без сигары, и без сигарет.

Кстати, хозяин тоже не курил, только попивал чаек из необыкновенно красивой и большой керамической кружки. Пил чай и третий присутствовавший в кабинете – Серега. Очевидно, между «бронзовой маской» и его охранником существовали совершенно доверительные отношения. А может быть, Серега находился здесь только для острастки гостя, бог его ведает, Александр в подробности не вдавался, решив, что это ниже его достоинства. К тому же его просили не строить из себя невесть что, а помочь больному, страдающему человеку. Исполнить ту самую «клятую клятву Гиппоклята».

– Как же, как же не обращался, – пожал плечами хозяин. Несколько минут назад Александр узнал, что обладатель жуткой «бронзовой маски» носил вполне тривиальное имя – Петр Федорович Манихин. – Мыслимо ли это – не кинуться в первую же очередь за помощью к медицине! И конечно, первым приговором была аддисонова болезнь. Вы ведь тоже именно так подумали.

Александр кивнул. А что еще можно подумать навскидку? Аддисонову болезнь не зря называют также бронзовой. У 99 процентов больных появляется выраженная пигментация кожи, у 80 – также пигментация слизистых и оболочки полости рта. У Манихина пострадало только лицо – причем очень сильно. Как он сам сказал, всегда был чрезвычайно полнокровен, а кожу имел тонкую, чувствительную, как у женщины. В молодости выглядел – кровь с молоком, как говорят в народе, а с годами лицо приобрело буроватый оттенок из-за склонности к гипертонии. Отсюда, так сказать, из-за наложения цветов, и возник потом этот особый, пугающий аспидно-бронзовый цвет.

Вот только есть тут одна тонкость... Появление аддисоновой болезни вызывается двусторонним поражением коры надпочечников, уменьшением или полным исключением выработки ее гормонов. Как правило, провоцируется это туберкулезом, оттого у аддисоновых больных сразу обнаруживаются специфические изменения в легких и других органах.

Однако далеко не у каждого туберкулезника может развиваться аддисонова болезнь. И ТБЦ, по-старинному – чахотка, вовсе не единственная причина ее возникновения. Поводом для нее становятся кровоизлияния в надпочечники, тромбоз сосудов, сифилис, двусторонние опухоли или метастазы рака в надпочечники, гнойное воспаление надпочечников, внезапное падение их иммунитета и некоторые другие столько же резкие, сколь и редкие заболевания. Судя по словам Манихина, которые он брался подтвердить результатами анализов, ничего подобного с ним в жизни не случалось. То есть взяться аддисоновой болезни было решительно неоткуда.

– Комплексную томографию делали, да? – спросил Александр. – Чрезкоэнную биопсию надпочечников? Определение надпочечниковых аутоантител в крови?

– Само собой, – согласился Манихин. – Да вы сами посмотрите, у меня тут все результаты анализов собраны. Целое дело!

Он протянул руку, и Серега, словно только и ждал этого жеста, снял с книжного стеллажа и подал Александру серую папку. Она невольно вызвала мысль о судопроизводстве – наверное, потому, что на ней было витиевато начертано: «Дело номер...» Манихин завел на свою пугающую хворь досье, как на преступника.

Да, больной и его болезнь боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть!

Александр начал листать результаты разных анализов. Все они сводились к одному: не обнаружено разрушения и патологии коры надпочечников ни туберкулезным, ни бластоматозным процессом – первичных опухолей и метастазов рака нет. Гормональные процессы не нарушены. Дефицита аскорбиновой кислоты нет. Надпочечники по сути здоровы – значит, Манихин и впрямь болен не аддисоновой болезнью, а чем-то другим. Гиперацидный гастрит и хронический ларингит, которые у него обнаружены, вообще «живут» сами по себе, независимо от какой-либо другой хворобы, тем паче открытой знаменитым доктором Томасом Аддисоном. Ничего не скажешь, в деле перечислены и симптомы, совпадающие с признаками «бронзовой болезни»: гипотония, анемия, постоянная тошнота как следствие обезвоживания организма и пониженного давления, признаки цирроза печени, воспаление глаз. Вроде бы всего много, но каждый из этих факторов может быть симптомом любого другого заболевания.

Даже меланоз...

Александр задумчиво закрыл папку, пытаясь вспомнить все, что знал о приобретенном меланозе – патологической пигментации кожи. Ее возникновение связано с нарушением функции желез внутренней секреции, например, тех же надпочечников, гипофиза и других; при изменениях вегетативной нервной системы и тому подобное. Диффузный, то есть общий, меланоз возникает при той же пресловутой аддисоновой болезни, которой у Манихина нет, при базедовизме, поражении гипоталамуса, в результате хронического отравления углеводородами. Но цвет лица при всех этих хворях бывает разный, «бронзовая маска» – признак только «бронзовой болезни». А ее нет. Значит, и маски не должно быть! Но маска-то есть. Значит, должна быть и аддисонова болезнь.

Все. Круг замкнулся.

Хотя не совсем... Существует еще так называемый токсический меланоз – результат интоксикации организма сальварсаном, мышьяком, висмутом, препаратами золота, серебра, кажется, свинцом... или нет, насчет свинца Александр не мог точно вспомнить. Токсический меланоз иногда дает картину «бронзовой маски». Кстати, гипотония, анемия, тошнота и все такое возникают при любом отравлении.

Александр поднял голову – и встретился с напряженным взглядом воспаленных глаз Манихина. Немедленно возникло ощущение, будто в лоб вставлены два маленьких, но острых буравчика. Аналогичное ощущение появилось и в затылке – Александр догадался, что туда вперил глаза Серега. Понятно: и хозяин, и слуга ждали от врача каких-то действий или хотя бы слов...

Александр встал, положив на причудливый столик папку и поставив рядом нетронутый бокал. Как-то не пилося ему в этом доме, особенно когда вспомнился токсический меланоз. В состав хрустали, кстати, входит свинец...

Огляделся, подошел к стене, поколупал ногтем обои.

– Скажите, меланоз давно начался?

– Полгода назад. В марте появились явные признаки, но худо себя чувствовать я начал как раз с Нового года.

– А в доме в этом живете сколько?

– Два месяца. В июне перебрались сюда.

– Понятно. А я было подумал...

– Я об этом тоже думал, – кивнул Манихин, ставя свою удивительную кружку рядом с бокалом Александра. – Вернее, не я, а все крутые специалисты, к которым обращался. Все проверялось, все образцы стройматериалов испытывались как на радиационное излучение, так и на допустимые нормы содержания ОВ. Даже мебель, даже обои.

– Почему даже? Их-то как раз непременно надо проверять. В обоях бывает столько всякой хреновины намешано... в бумаге, а пуще того – в краске. Даже существует версия, дескать, Наполеона отравили с помощью обоев. В красную краску для обоев в ту пору подмешивали не то ртуть, не то мышьяк, ну вот и для него особенно постарались... О лакокрасочных материалах для мебели тоже всякие жуткие вещи рассказывают. А слышали о ядовитой ДВП?

– Конечно. Поэтому здесь вся мебель из натурального дерева, причем ручной работы. В лаке, политуре химических примесей не более, чем допустимо ГОСТами, – сказал хозяин. – Повторяю, проверено все, абсолютно все!

– Петр Федорович, – вдруг осенило Александра, – я обратил внимание на заключение о гастрите. Вам, случайно, не выписывали де-нол? Или таблетки викаир? А может быть, викалин? Ведь в их состав входит висмут, вернее, нитрат висмута. Конечно, кора крушины производит слабительный эффект и как бы способствует выведению висмута из организма, однако мало ли что! Вдруг у вас предрасположенность к накоплению тяжелого металла? А висмут – одна из причин токсического меланоза.

Темно-фиолетовые губы «бронзовой маски» растянулись в улыбке. Это функциональное явление произвело на Александра отталкивающее – и в то же время за душу хватающее впечатление.

Космически-голубые глаза посмотрели вприщур.

– Тепло. Можно сказать, даже горячо. Я довольно долго – несколько месяцев – принимал де-нол. Гастрит возник у меня в мае прошлого года, после тяжелого отравления селитрой. Вздумалось мне купить на базаре и покушать вяленого леща, которого некие добрые люди вымачивали не в обычном соленом тузлуке, а в тузлуке селитренным. Хорошо, что жена моя не любит вяленой рыбы, я один пострадал. А еще хорошо, что рядом оказалась Марина.

– Она врач? – спросил Александр с неким странным ощущением разочарования. И тотчас сообразил, что огорчило его отнюдь не медицинское образование Марины. Он смутно, в глубине души надеялся, что увидит ее и наконец-то разглядит. Ее – и ту, другую, женщину – темноволосую. Анну.

Не удалось увидеть ни Анну, ни Марину. Но это вовсе не повод для такого упадка духа!

– Нет, она не врач, – ответил Манихин. – Но о селитре знала не понаслышке. Рассказывала, что однажды гостила у подруги в Ивановской области, и там произошел трагический случай: какой-то дедок накормил постояльцев-дачников вяленой рыбкой и грибным супчиком, которые посолил селитрой. И сам свое варево покушал. Все четверо, постояльцы и он сам, умерли. Как уж он перепутал селитру с солью, не знаю, но врач, который приезжал туда по «Скорой», говорил Марине, что старики и пьяницы сплошь да рядом травятся этой чертовой селитрой: она же на вид совершенно такая, как соль, причем и на вкус такая же, только еще солоней!

– Правда, это опаснейшая вещь, – кивнул Александр. – Летом среди стариков-дачников очень часты смертельные случаи. И то, что произошло с вами, кстати, тоже случается. Редко, но... Некоторые придурки экономят таким образом, когда делают оптовые закупки соли. Селитра-то дешевле! А вы в милицию потом обращались? Наверняка у тех торговцев вся партия рыбы была такая. Не в курсе, кто-нибудь еще пострадал?

– Обращались в милицию, само собой, и рыбу на анализ отвезли. Это было, повторюсь, в мае прошлого года, так потом чуть ли не на месяц продажа вяленой рыбы была практически запрещена. Думаю, если бы любители воблы и всякого такого рыба проведали, кто им такую свинью подложил, они бы огорчились, что я не помер и успел наступать. Тем паче, насколько

мне известно, роковым образом не повезло только мне одному. Проверенная на базаре рыба оказалась безвредной, даже из того десятка, который купил я, отравленной была только одна. Представляете себе? Только одна! Полное впечатление, что эта цыганка мне ее нарочно подсунула! – горячо выкрикнул Манихин.

– Да, селитра вполне могла спровоцировать гастрит, – кивнул Александр. – И не только его! Отравление могло оказать патологическое влияние и на надпочечники. Нам только кажется, что мы досконально изучили механизм возникновения того или иного заболевания, а на самом деле это такой же спорный вопрос, как то, есть все-таки на Марсе каналы или нет. Даже еще более спорный! Я хочу сказать, что то же отравление могло стать толчком к аддисоновой болезни!.. – И тотчас спохватился: – Черт... Простите, я... у вас же здоровы надпочечники, я и забыл.

– Ничего, не вы первый пытались найти в том отравлении причину моего несчастья. – Губы «бронзовой маски» вновь растянулись в невеселой улыбке. – Эту же ошибку делал каждый, кто пытался рассуждать логически. И логика доходила даже до того, что у меня искали остатки венерических болезней.

Александр воззрился на хозяина сконфуженно. Как Петр Федорович угадал, что доктору Меншикову только что пришла в голову эта самая мысль: органические соединения мышьяка, такие, как аминарсон, миарсенол, новарсенал, осарсол, применяют главным образом для лечения сифилиса и протозойных заболеваний! Если лечение было длительным и интенсивным, не мог ли мышьяк накопиться в организме и вызвать такую поразительную реакцию?

– Нет, я никогда ничем подобным не болел, – твердо заявил Манихин. – Опережая вопросы, которые вы сейчас зададите и которые я слышал и прежде, скажу, что я никогда не работал на вредных производствах, не был связан ни с мышьяком, ни со свинцом, ни с ртутью, а также сальварсаном и препаратами золота и серебра. И тем не менее... Все симптомы говорят о хроническом отравлении мышьяком.

– Парастезия наличествует? – быстро спросил Александр. – Я хочу сказать, ощущение покалывания по всему телу, мурашек? Расстройства желудочно-кишечные, катар слизистых верхних дыхательных путей? У вас, я помню, в папке лежит заключение о хроническом ларингите? Анемия ваша в картину вписывается, меланоз – само собой. От отравления мышьяком вас лечили? Унитиол считается прекрасным средством.

– От чего меня только не лечили! – криво усмехнулся Манихин. – И чем!.. Вывод такой: у меня повышенное содержание мышьяка в организме. Не какие-то там 0,08—0,2 миллиграмма на килограмм веса, которые есть в крови, почках, печени, легких, коже, волосах и других органах каждого человека. А значительно больше. Причем, по выводам некоего медицинского светила, это моя собственная патология. Он хочет сказать, что мой организм просто-напросто вырабатывает больше этого вещества. К примеру, рассказал он мне, есть такая болезнь – гиперинсулемия. Переизбыток инсулина в организме – тоже частная патология некоторых особей. Такие люди даже яблоко съесть не могут, чтобы не спровоцировать у себя острое недомогание. А у меня вот, судя по всему, уникальный, нигде, ни в какой медицинской литературе не описанный случай гиперарсеникума.³ Кстати, термин мой собственный.

– И как вы к этой версии относитесь? – осторожно спросил Александр, принимая самое что ни на есть равнодушное выражение лица и даже отводя глаза от хозяина. Тем более что его давно тянуло взглянуть на эту кружку. Ничего подобного ему видеть в жизни не приходилось, наверняка авторская работа какого-то выдающегося мастера. Это как бы даже не совсем кружка, а переливчатая, голубовато-зеленовато-перламутровая фигура русалки, вернее, берегини, как назывались по-русски подводные жительницы. Кружка была покрыта причудливым скрещением синих линий, напоминавшим разводы, которые остаются на песке после того, как

---

³ Арсеникум, Arsenicum (лат.) – научное название мышьяка.

отхлынет морская волна. Лицо берегини – тонкое, изящно вылепленное, красоты необыкновенной, с черными глазами, окруженное волнами черных волос...

– Это портрет моей жены Анны, – с мягкой улыбкой в голосе сказал Манихин, и Александр сконфуженно поднял на него глаза. – Работа Марины. Она великолепный керамист. Если вы ей понравитесь, она и вам сделает такую же красотищу с портретом вашей любимой женщины. Если таковая женщина имеется, конечно.

– Такой женщины... пока еще нет, – признался Александр, изо всех сил стараясь не покраснеть.

Значит, вот она какова, та темноволосая, стройная, с тревожным голосом. Любимая женщина «бронзовой маски». Его жену зовут Анна. Любит ли она Манихина, интересно знать? Такого жуткого, такого... А как к нему относится Марина? Что за отношения связывают этих троих?

Секундочку, добрый доктор Меншиков! А позвольте осведомиться, какое до всего этого ваше, пардон, собачье дело? Не лучше ли вернуться к гораздо более безопасной теме – насчет гиперарсеникума?

– Так как вы, Петр Федорович, к этой версии относитесь?

– А вы? – вприщур глянул на него Манихин.

– Э-э... Как бы это поточнее выразиться... с изумлением, – решительно сказал Александр. – Оно конечно, наука имеет много загадок, да и в вопросах патологической токсикологии я совершенно не специалист, а все-таки – отношусь с изумлением.

– Грубо говоря, вы считаете эту версию туфтой? – спокойно расставил точки над «i» Манихин.

Александр дипломатично пожал плечами. Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам, и все такое прочее. Однако же... гиперарсеникум... это, воля ваша, господа, как-то крутовато!

– А почему, собственно? – не унимался Манихин. – Ведь меня никто не травит. Мои домашние едят ту же пищу, что и я. Кстати, как правило, готовлю я сам, я очень люблю готовить. Кроме того, в этом доме живут самые близкие мне люди, которым я вполне доверяю. Моя жена, с которой мы вместе двадцать лет, с которой прорвались друг к другу через такие препятствия, что и в страшном сне не приснятся. Парень, которому я спас жизнь. – Он неопределенно мотнул головой, но нетрудно было догадаться, что имеется в виду Серега. – И девушка, которая дважды спасла жизнь *мне*. Понимаете? И все-таки...

– И все-таки вы не очень-то верите в этот самый гиперарсеникум?

– Я не знаю, во что я верю или не верю, – сказал Манихин. – Знаю одно: я раньше не был таким. Я хочу избавиться от этого, понимаете?

– Еще бы! Но как? Унитиол, я так понял, пробовали?

– Говорю же, я пробовал все, что можно и нельзя. Но картина усугубляется. Из моего дома удалены все зеркала, но я представляю, какое у меня лицо. И когда я думаю об этом – а думаю я об этом постоянно! – у меня возникает одно-единственное желание. Догадываетесь, какое?

Александр кивнул, не поднимая глаз. У него бы, наверное, возникло такое же самое желание, если бы судьба его так заклеимила...

И вдруг мелькнуло страшное подозрение. Он ведь до сих пор не знает и не понимает, зачем его позвал к себе этот странный, страшный и несчастный человек. А что, если Манихин хочет купить врача... вернее, купить у врача... средство, которое поможет ему быстро развязаться? В этом и заключается для него понятие помощи?

Ну, коли так, «бронзовая маска» дал маху. Сделал ставку не на того человека! Здесь нужен тот добрый доктор, который ратует за эвтаназию, а не доктор Меншиков.

В таком случае не пора ли задать главный вопрос, дать решительный ответ – и убраться восвояси?

– Петр Федорович, почему вы меня сюда позвали?

Тот поднялся с кресла, медленно прошел к высокому, во всю стену, стояку, на котором в причудливом беспорядке были расставлены горшки и ящики с самыми разнообразными цветами. Взял красивый глиняный кувшин, попробовал пальцем воду, начал поливать растения, порою разминая землю пальцем.

Обернулся к Александру:

– Вы удивлены? Я почему-то всегда особенно любил домашние цветы. Не садовые, они обыкновенны, а этих вот затворников. Может быть, предчувствовал, что и сам сделаюсь когда-нибудь затворником? Общение с ними меня неведомым образом утешает, ну, не то чтобы совсем утешает, но успокаивает.

Поболтал в кувшине испачканными землей пальцами, обтер руки тряпицей, засунутой сбоку стеллажа; постоял молча, глядя на зубчатые, лапчатые, перистые листья; потом заговорил:

– Вы спрашиваете, почему я вас позвал? Ну, если честно... вы не поймете, ни за что не поймете... но когда я увидел вас там, на берегу... Да не смотрите так, я же говорю, вы не поймете. А объяснить это я не могу. И не хочу.

– Да я не про то, – отмахнулся Александр. – Я про другое. Почему, вернее, *зачем* вы позвали *меня*?

Темные губы дрогнули, ослепительно светлые глаза прямо взглянули в глаза Александра.

– На этот вопрос я отвечу. Я хочу сделать вам одно предложение. Я дам вам десять тысяч долларов. А вы... вы съездите на Дальний Восток. Это последнее средство спасти меня. Спасти мое лицо. Спасти мою жизнь...

АВГУСТ 2001 ГОДА, ЗЕЛЕНый ГОРОД

Вот уже больше года она здесь... Как странно складывается жизнь! Хочешь с чем-то покончить побыстрее, а оно тянется, тянется, словно безразмерная синтетическая нить, и будто нет ей конца. На самом деле, конечно, рано или поздно порвется и эта нить, однако запас ее прочности куда больше, чем тебе казалось в первую минуту.

Марина медленно вращала лежащий на столе металлический диск с комом серо-белой фаянсовой глины, рассеянно касаясь его пальцами правой руки, но никак не решаясь начать работать. Это состояние нерешительности вот уже сколько времени свойственно всем ее мыслям и поступкам.

Плохо это или хорошо, что желаешь одного, а выходит совсем другое?.. Марина всегда считала, что ее жизнь, ее судьба – не более чем мягкая глина в руках какого-то мастера, который вращает, задумчиво вращает свой круг, поддаваясь когда определенному желанию, когда интуиции, когда сознательно, когда непроизвольно шевелит пальцами, то слегка, то сильно вдавливая их в глину – и сам порою удивляется полученному результату. Ну да, недаром скульпторы любят говорить что-то вроде: «Глина сама себя лепит», или «Глина сама выведет», или «Глина сама все знает». Раньше это казалось Марине странным, нелепым – ну ведь человек же знает совершенно точно, что он хочет вылепить, кружку, к примеру, коня или русалку! Она, скажем, всегда начинала с карандашного эскиза, держала его перед собой на столе и старалась строго следовать ему. Хотя рисунок – он ведь плоский, он ведь никакой... Постепенно она поняла, что расхожее выражение о послушной глине (ну вот порою говорят о каком-то человеке, он-де такой бесхарактерный, легко поддается чужому влиянию, просто послушная глина в чьих-то руках) не более чем метафора, выдуманная людьми, которые совершенно, просто клинически не представляют, о чем они говорят. Разве что ремесленник-гончар, который на своем гончарном круге накручивает десятки одинаковых кувшинов или кринок, мог бы так сказать. Но не скульптор, который подчиняется даже не вдохновению, а настроению...

Сначала Марина совсем не собиралась надолго задерживаться в Зеленом Городе. Предполагала отсидеться максимум до осени, пока горячее время в санаториях, пока здесь полным-полно отдыхающих, которые жаждут хоть чем-то заполнить свой досуг. Потом, если не удастся найти работу в школе, она уедет. Не только из Зеленого Города, но и вообще из Нижнего. А то и из России... Институтская подружка, очень счастливо вышедшая замуж во Францию, клялась, что некий друг ее мужа, одинокий холостяк, наблюдая, как волшебным образом изменилась жизнь его ранее унылого приятеля, уверился, что только русская жена может дать счастье мужчине. Теперь он преисполнен надежды на встречу с золотоволосой девушкой по имени Марина, от фотографий которой просто спятил.

Так что, размышляла тогда Марина, не исключено, мсье получит желанную русскую жену, которая с удовольствием отряхнет со своих ног прах отечества...

Жуткое выражение, конечно. А между тем пугающее слово «прах» значит всего лишь пыль. Глиняная пыль, с которой беспрестанно имеет дело Марина, кстати, тоже прах, уж скульптору ли бояться этого слова? Но все же до чего страшно звучит: отряхнуть прах с ног своих... будто ты прошел по могиле и частицы могильной земли унес с собой. Хочешь избавиться от нее, очистить ноги, но не можешь, потому что она пристала намертво.

А вот не ходи по могилам!

Послышался щелчок, и Марина резко вздрогнула. Все-таки не зря не любит она муфельные печи, особенно этот щелчок таймера: полное ощущение, будто у нее над ухом выстрелили. Смутная идея, которая начала было брезжить в голове и, передаваясь рукам, изменять

форму глиняного комка, мгновенно погасла, как огонек свечи, на который налетел порыв ветра. Сердце заколотилось что было сил, пульс зачастил...

Невропатка. Нет, больше – законченная психопатка!

Вдруг вспомнилось: однажды Анна застала ее в момент такого вот неконтролируемого испуга. Как-то особенно сильно взвинчены были нервы у Марины – ну, бывает, доходит человек до точки! – она даже вскрикнула, истерические слезы брызнули из глаз. Анна не стала ее успокаивать: просто сказала, что все эти новомодные печи с таймерами (без разницы, муфельные, для обжига керамики, или обычные хозяйственные, газовые или электрические, для приготовления пищи) только кажутся нам великой находкой человеческого ума. Анна, к примеру, отлично помнит, как в какой-то старой русской сказке поставленный в печь пирог вдруг начал говорить: «Я уже испекся, я уже испекся!», а каша в горшке ворчала: «Я уже сварилась, я уже сварилась!» Как-то так она смешно это изобразила, что Марина невольно засмеялась сквозь слезы и рассказала, как давным-давно они с сестрой очень любили сказку «Гуси-лебеди» – не за страшные приключения любили, а за эти разговоры с печкой, и яблонькой, и речкой с кисельными берегами: «Съешь моего ржаного пирожка... моего дикого яблочка... моего простого киселька с молочком...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.